

Обсуждение проекта «Анатомия философии: как работает текст»

**М.Ф. Быкова, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, Н.В. Мотрошилова,
Ю.В. Синеокая, А.В. Смирнов, Э.Ю. Соловьев, М.Т. Степаняц**

Проект «Анатомия философии», созданный на базе Института философии РАН и московской городской библиотеки им. Достоевского, служит вхождению отечественной академической философии в публичное пространство России и русскоязычного мира за рубежами нашей страны. В январе 2017 года проект был удостоен Золотой медали РАН за популяризацию науки в номинации «Гуманитарные и общественные науки». Иллюстрированный сборник статей «Анатомия философии: как работает текст» (сост. и отв. ред. Синеокая Ю.В., М.: ЯСК, 2016, 198 с.), изданный по итогам первого года работы, был признан лучшим издательским проектом РФФИ по философии за 2016 год. Автор идеи и руководитель проекта Ю.В. Синеокая обратилась к участникам проекта — ведущим отечественным философам, с предложением поделиться своими размышлениями о проекте. Журнал публикует эти размышления.

Ю.В. Синеокая освещает историю становления проекта, существующего уже три года, перспективы его расширения и главные принципы его функционирования на открытой интеллектуальной площадке в центре Москвы.

В выступлении А.В. Смирнова показано, что проект знаменует собой особый этап профессионального и духовного развития отечественного философского сообщества. Это начинание стало возможным благодаря отрешению от привычных стимулов фиксации философской работы в виде лекции или статьи и от любой общей рамки, заранее определяющей направление философской работы и включающей ее участников в универсально для них заданное общее поле. Положительный смысл первого из отрешений заключается в предоставлении свободы, а второго — в открытии дверей творчества. «Анатомия философии» стала собиранием свободных творцов. Осмыслить такое собирание невозможно в привычных терминах общего или единого. Предложено продумать в этих целях категорию «все-единство», где «все-» понимается в том же смысле, в каком категория «всечеловеческое» противопоставлялась в отечественной мысли категории «общечеловеческое».

А.А. Гусейнов рассматривает проект в контексте обсуждения роли философии в современном обществе, где рыночная экономика распространила свои законы функционирования на все социальные сферы. Философия предполагает прямые (не опосредованные) отношения между ее «производителями» и «потребителями», способными и желающими воспринимать идеи; применительно к ней нельзя ограничиваться критериями полезности, по которым оцениваются конкретные (частные) науки, у нее есть свои дополнительные показатели успешности, одним из которых является наличие школ.

М.Ф. Быкова демонстрирует, что успех проекта состоит не только в том, что удалось найти и эффективно использовать формат, в котором возможен выход академической философии в публичное пространство и перевод профессионального знания на язык широкой публики. Не менее важным результатом является обогащение самой академической философии, для которой оказывается пагубным замыкание в самой себе и в рамках своего профессионального цеха. Подчеркивается взаимовлияние обоих процессов, а также значение развития философии в направлении публичности для культивирования нового философского знания.

Н.В. Мотрошилова осмысливает проект, во-первых, как успешное сотрудничество двух институциональных сфер культуры, а именно академических исследователей-философов и московской Библиотеки им. Достоевского; во-вторых, как презентацию

лучших достижений специальных исследований ученых в форме, доступной для широкой публики; в-третьих, как философский анализ ярчайших текстов человеческой культуры, включая ведущих представителей русской классической литературы (Пушкин, Толстой, Достоевский, Тургенев).

Статья Э.Ю. Соловьева посвящена истории и современному состоянию философско-го просвещения. В ней затронуты такие вопросы, как первоначальные амбиции философов-просветителей; кантовское понимание «истинного просвещения»; популяризация философии в советской системе агитации и пропаганды; коренное различие популяризации и просвещения; критика просветительской парадигмы в отечественной и зарубежной литературе 1970-х гг.; реактуализация классического наследия как непременная компонента современного философского образования. Основное внимание уделено новой лекционной и дискурсивной культуре, отличающей обсуждаемый проект.

В статье М.Т. Степанянц ставится вопрос, как предотвратить развитие тревожной тенденции вытеснения философии из публичного пространства, прежде всего из образования. Философия не есть нечто побочное, она имела и должна сохранить свой высокий статус в науке, в культуре, в жизни общества в целом, приоткрывая сферу обыденного мышления для новых идей и стимулирования публичных дебатов по поводу вызовов, встающих перед социумом сегодня. Высказывается ряд предложений относительно нового формата и тематической направленности обсуждаемого проекта.

В.А. Лекторский отмечает, что проект свидетельствует не только о возрастании интереса публики к философии, но и о сохранении ее места в культуре, её значимости именно в качестве высшей формы авторефлексии культуры, предельных оснований познания, деятельности и оценки. Философия всегда интегрировала разные формы культуры, ибо не только выявляла их основания, но и связи между ними. Успех проекта свидетельствует о том, что философ создаёт себя в качестве активного участника процесса культуротворчества в его разных формах, участника внутрикультурной и межкультурной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философский проект «Анатомия философии», философия в публичном пространстве, философ, общество, общение, самопознание, наука, просвещение, диалог, текст, образование, дискурс.

БЫКОВА Марина Федоровна – доктор философских наук, профессор Университета Северной Каролины, главный редактор журнала “Russian Studies in Philosophy” почетный сотрудник сектора истории западной философии, Института философии РАН.

mfbykova@ncsu.edu

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, профессор, действительный член РАН, научный руководитель Института философии РАН, Москва.

guseynovck@mail.ru
<http://iphras.ru/guseinov.htm>
<http://guseinov.ru/>

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович – доктор философских наук, профессор, действительный член РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Философия науки и техники», научный руководитель философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва.

v.a.lektorski@gmail.com

МОТРОШИЛОВА Нелли Васильевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

motroshilova@yandex.ru

СИНЕОКАЯ Юлия Владимовна – доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, Москва.

jvsineokaya@gmail.com
sineokaya@iph.ras.ru

СМИРНОВ Андрей Вадимович – доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института философии РАН, Москва.

asmirnov@iph.ras.ru

СОЛОВЬЕВ Эрих Юрьевич – профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

ersolov@yandex.ru

СТЕПАНЯНЦ Мариэтта Тиграновна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель научного направления «Сравнительная философия и диалог культур», Москва.

marietta@iph.ras.ru

Статьи поступили в редакцию 20 марта 2017 г.

Цитирование:

Быкова М.Ф. Уроки успеха: академическая философия и проблема публичности // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Гусейнов А.А. Все о том же – кому и зачем нужна философия? // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Лекторский В.А. Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Мотрошилова Н.В. Философы Института философии РАН в публичном пространстве // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Синеокая Ю.В. Московские философы *urbi et orbi*: об истории проекта «Анатомия философии: как работает текст» // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Смирнов А.В. Открытое все-единство нашей философии // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Соловьев Э.Ю. Очаг просвещения на Чистых прудах // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Степанянц М.Т. Противостоять маргинализации философского образования // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 109–146.

Московские философы *urbi et orbi*: об истории проекта «Анатомия философии: как работает текст»

Ю.В. Синеокая

Совместный проект Института философии РАН и московской городской библиотеки им. Ф. М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст» был удостоен Золотой медали РАН в номинации «Гуманитарные и общественные науки» (решение Президиума Российской академии наук от 31 января 2017 г.). В течение трех лет (первая встреча состоялась 17 июня 2014 г.) ведущие исследователи Института философии Российской академии наук, наши коллеги-философы из центральных вузов России, Германии, Франции, Сербии, Японии и США приходят в библиотеку на открытые встречи с читателями, интересующимися классическими и новейшими философскими проблемами. Библиотека – место, где люди читают книги, работают с текстами,

синтезируют смыслы, истолковывают прочитанное. Совместный анализ и интерпретация философских текстов, их комментирование, выявление роли контекста в формировании смысла произведения — в этом состоит центральная задача еженедельных философских дискуссий между исследователями-философами и аудиторией.

Три года успешной работы проекта заложили реальное основание для созидания открытого публичного интеллектуального пространства в России. Свободное общение, со-творчество академических ученых и вольных слушателей на открытой площадке в московской библиотеке оказалось востребованным. В ходе этих встреч незнакомые, далекие друг от друга по своим интеллектуальным пристрастиям, жизненному стилю, опыту, политическим и религиозным симпатиям люди незаметно для себя сплавиваются в содружество. Эта общность складывается на основе обмена мнениями и споров, из желания слушать и слышать другого, из взаимопонимания, не всегда начинающего согласие. Отраднo, что вольная аудитория проекта оказалась готовой вести диалог с академической наукой: за последние десятилетия в нашей стране выросло поколение прекрасно образованных молодых людей, свободно ориентирующихся в мировом интеллектуальном пространстве. На встречах проекта «Анатомия философии...» лекционный зал библиотеки не бывает пустым, нередко гости библиотеки слушают философов стоя, располагаются на подоконниках или прямо на полу. Четверги на Чистопрудном собирают людей, принадлежащих разным культурным поколениям и интересующихся философской мыслью независимо от избранных ими профессий, религиозных и политических предпочтений. Заметное большинство слушателей проекта составляют студенты и аспиранты.

Сегодня не только в Москве и Петербурге, но в других культурных центрах России, проводится немало разноформатных публичных чтений и семинаров по гуманитарной тематике. Однако «Анатомия философии: как работает текст» стал первым еженедельным открытым проектом, регулярно собирающим десятки тысяч слушателей. Выступления философов, приходящих по четвергам в гостеприимную современную библиотеку в старинном доме № 23 на Чистопрудном бульваре, адресованы не только тем десяткам участников, которые собираются здесь вечерами, чтобы принять участие в лекциях и свободных беседах по философской проблематике, но в большей мере той многотысячной аудитории проекта, которая смотрит прямую трансляцию онлайн и видеозаписи встреч в библиотеке.

В ряде городов России (Нижем Новгороде, Томске, Махачкале, Таганроге и др.) при университетах, музеях и книжных магазинах созданы философские клубы, участники которых собираются, чтобы обсудить беседы философов после презентации в библиотеке Достоевского. Они смотрят видеозаписи проекта и проводят собственное обсуждение. Проект известен в Азербайджане, Польше, Сербии, Израиле, Канаде, США. Я поддерживаю общение с дистанционной аудиторией проекта по Интернету.

Проект стал связующим звеном, основанием для единения российского академического философского сообщества. Я имею в виду не только тот факт, что многие коллеги в Институте философии РАН и за его пределами узнали больше о профессиональных интересах и широте профессионального горизонта друг друга. Многие ученые на вечерах в библиотеке смогли впервые встретиться и познакомиться с теми коллегами, которых прежде знали лишь по книгам и статьям. Нередко в процессе подготовки к выступлению или в рамках самих бесед и диалогов исследователи встречают важного для себя, глубоко погруженного в обсуждаемую тематику специалиста, диалог с которым прежде велся заочно, по публикациям, или не велся вообще. Каждое такое обретение нового собеседника — большая профессиональная удача для ученого, получающего возможность услышать живое авторитетное мнение эксперта о том или ином своем открытии, идее, произведении. Личное общение и споры незаменимы для философов, только они помогают приблизиться к смыслу.

Выступления в библиотеке стали важным испытанием, своеобразным экзаменом на профессионализм. Одно дело — чтение лекции или речь, произносимая на семинаре или конференции, перед известной поименно и солидарной аудиторией

единомышленников. Совсем другое дело – выступление перед незнакомыми людьми, интеллектуалами, собравшимися в зале добровольно, многие из которых могут не знать научных званий и прежних достижений оратора. Внимание и интерес такой аудитории нужно завоевывать и удерживать заново. Тут все – риск: окажется ли предложенная тема востребованной и интересной для слушателей? Придут ли на выступление люди и останутся ли в зале до конца? (Для меня самой до сих пор остается загадкой принцип формирования меняющейся от встречи к встрече аудитории, вернее, я все больше убеждаюсь, что такого принципа нет вовсе.) Будут ли в зале профессионалы по обсуждаемой теме? Придут ли на выступление мои коллеги с работы, мои студенты, аспиранты, ученики? Какого рода вопросы, замечания и реплики из зала последуют за выступлением?.. Никто не рискнет дать ответ на все эти вопросы или прогнозировать вероятность успеха заранее. Однако из переписки со слушателями проекта я точно знаю, что на каждую беседу в библиотеку приходят, приезжают из других городов и стран те, для кого встреча на публичном выступлении с любимым мыслителем – практически уникальная возможность личного общения, шанс принять участие в обсуждении интересной для себя темы, надежда получить нужный ответ, договориться о возможности сотрудничества, попросить автограф у любимого автора, заручиться согласием на дальнейшее общение.

Проект состоялся благодаря доброй воле ученых и философов, не получающих за свои выступления никакого вознаграждения. Какой-либо финансовой, грантовой или административной поддержки у этого начинания не было и нет. Лекции и дискуссии, проводимые учеными, бесплатны для слушателей и открыты для каждого: никакой регистрации или предварительной записи не требуется. Главное для коллег-участников проекта – служение любимому делу и возможность свободного общения. Для философов важно, что их выступления нужны людям, что их знания, умозаключения и исследовательский опыт ценны и интересны не только специалистам, коллегам по профессиональному цеху, но и непрофессионалам. Проект «Анатомия философии...» не смог бы состояться, если бы с самого начала и на протяжении всех трех лет я не чувствовала бы авторитетную дружескую поддержку и веру в успех этого начинания со стороны директора Института философии РАН, академика А. В. Смирнова и научного руководителя Института философии РАН, академика А. А. Гусейнова.

Первый цикл встреч в библиотеке, длившийся с июня 2014 по июнь 2015 г., назывался «Лекции по истории мировой философии». Часть прочитанных лекций в форме академических статей была опубликована в «Философском журнале» за 2015–2016 гг. в специальной рубрике «Анатомия философии». В 2016 г. издательский дом «ЯСК» (благодаря издательскому гранту РГНФ) выпустил почти тысячестраничный том статей «Анатомия философии: как работает текст» [Синеокая (ред.) 2016], иллюстрированный 520 цветными фотопортретами философов за работой и изображениями их слушателей. Эта книга вызвала большой интерес не только в философских центрах, но и в регионах.

Второй цикл (с 24 октября по 24 декабря 2015 г.) был приурочен к выходу в свет 13-томного Полного критического собрания сочинений Ницше на русском языке, опубликованного издательством «Культурная революция». Цикл презентаций в библиотеке получил название «Творчество Ницше в историко-философском контексте». Это публичное событие определило подготовку сразу двух важных изданий, публикация которых запланирована на вторую половину 2017 г. в издательском доме «ЯСК». К сентябрю 2017 г. ожидается публикация книги «Творчество Фридриха Ницше в историко-философском контексте», которая продолжит традицию сборника «Анатомия философии: как работает текст». Она будет состоять из статей участников лекций о творчестве Ницше в библиотеке Достоевского, проиллюстрированных цветными фотопортретами выступающих перед публикой философов и их слушателей. В декабре 2017 г. выйдет том «Фридрих Ницше: наследие и проект» – трехязычный сборник статей, идея которого родилась во время лекций в библиотеке Достоевского. Авторами этой книги являются наиболее авторитетные

сегодня специалисты по философии Ницше, работающие в ведущих университетах и научно-исследовательских центрах России, Европы и Америки.

Третий цикл проекта, носящий название «Реплики», стартовал в марте 2016 г. и продолжается сейчас. Нынешний сезон уже третий из задуманных четырех (весна – лето 2016, осень – зима 2016, весна – лето 2017). Теперь по четвергам в библиотеку приходят два специалиста и ведут диалог о философской проблеме. Жанр встреч изменился: от лекций мы перешли к форме диалога, интеллектуального интервью, которое берут друг у друга наши собеседники, к свободному обмену мнениями, в результате которого рождаются новые смыслы. Жанр «Реплик» можно обозначить как игру в четыре руки или диспут, каждая встреча не похожа на остальные. Думаю, со временем из «Реплик» сложится новая книга. Статьи, написанные вслед за выступлениями в библиотеке Достоевского в жанре диалога, публикуются в специальной рубрике «Анатомия философии: как работает текст. Цикл “Реплики”» журнала «Философский журнал» с 2016 г.

Однако проект не исчерпывается выступлениями и публикациями. С 2016 г. в библиотеке Достоевского организован специальный уголок книг сотрудников Института философии РАН. Число книг продолжает пополняться, и за каждой из них своя история интерпретаций. На Bookmate для читателей библиотеки организована полка книг виртуальных, рекомендованных учеными Института философии РАН, каждая из них снабжена аннотацией, объясняющей, почему эту книгу стоит прочитать тем, кто интересуется философскими проблемами. Это очень важный философский ресурс.

Популярность проекта не только в узком кругу академических ученых, но и у широкой аудитории как в нашей стране, так и в русскоговорящем мире за пределами России доказала востребованность в обществе серьезного, без упрощения, живого философского диалога, выявила практическую пользу от занятий философией: философы причастны не только поиску истины, но помогают людям найти смысл существования и опору в повседневной жизни. Я уверена, что серия иллюстрированных томов проекта «Анатомия философии...» станет событием в отечественной интеллектуальной истории начала XXI столетия.

Полная информация о проекте доступна на сайте Института философии в разделе «Проект “Анатомия философии”» http://iph.ras.ru/anatomia_text.htm. Там же размещены анонсы предстоящих встреч.

Открытое все-единство нашей философии

А. В. Смирнов

В каких терминах и в какой логике осмыслить начинание под названием «Анатомия философии: как работает текст»? Уверен, что вопрос стоит поставить именно так. Думая и говоря об «Анатомии философии», постоянно ловишь себя на том, что не получается применить привычные категории, за которыми стоит привычная логика. Это начинание знаменует какой-то новый этап, открывает что-то доселе не осуществлявшееся в нашем философском, да и в целом в духовном развитии.

Это начинание зародилось, развернулось и пришло к промежуточному (не окончательному, конечно же) своему завершению буквально на глазах у всех нас, в 2014–2017 гг. Отдельные моменты, отдельные шаги этого движения доступны каждому благодаря современным цифровым технологиям, поскольку материалы, зафиксировавшие это движение, находятся в открытом доступе в сети.

Все началось с идеи, которую высказала Юлия Вадимовна Синеокая и которая, сказать по правде, показалась мне тогда весьма необычной. Она заключалась в том, чтобы развернуть на площадке Библиотеки им. Ф. М. Достоевского публичные

лекции по философии. Эта библиотека расположена между Чистыми прудами и Покровкой – место особое, вызывающее в памяти целый ряд ассоциаций. Место, где литературные герои обладают, возможно, большей реальностью, большей жизненной силой, нежели реальность «объективная», данная в ощущениях, но слишком уж текучая и нестойкая. Особенно если вспомнить, по аналогии ли или ассоциации, другие пруды – Патриаршие. Гений этого места обладает большей властью, нежели то, что представлено глазам и ушам. Это чувствуется, когда идешь от метро «Чистые пруды» по бульвару в направлении Покровки. Неважно, какое время года на дворе, зелень ли вокруг или снег под ногами, постепенно, по мере неспешного приближения к Библиотеке им. Ф. М. Достоевского, охватывает особое чувство, отрешающее от окружающей суеты мельгешащих вещей и предвещающее что-то другое. Да и имя Федора Михайловича в контексте Чистых прудов и Покровки не может не настраивать на особый лад.

Это медленное движение оказывается движением *отрешения*. Пока что отрешения от осязаемого, окружающего и назойливо предьявляющего себя мира в пользу мира иного, не явленного, но не теряющего оттого своей властности. Мир фантастических и милых героев Чистых (и Патриарших) прудов и Покровки отрешен от наличного и предьявленного мира, но не вовсе – не так, чтобы совсем уж отрицать его. Он отрешен от наличного мира ради *правды* этого же мира – того, что *оправдывает* его.

«Отрешение» – главное, ключевое слово, которое поможет нам найти ответ на заданный вопрос. Мы пройдем вместе с «Анатомией философии...» через ряд отрешений, чтобы в конце увидеть, в чем смысл этого начинания и как о нем можно говорить. Отрешение от суеты и прикосновение к чему-то необычному, которое не может не почувствовать любой во время движения по Чистопрудному бульвару, лишь подготовительный шаг. Волшебство этого места настраивает на нужный лад. Приладившись к месту, нам проще настроиться на ту череду отрешений от привычного, о которой предстоит поговорить.

Первое из них – отрешение от привычных мотивов. Цикл лекций было предложено прочитать известным ученым, каждый из которых посвятил свою жизнь избранной теме и является в ней экспертом, а кто-то из них пользуется мировой известностью. Но почему и зачем – почему и зачем им читать эти лекции? Таков первый вопрос, который ставил в тупик и на который надо было найти ответ. Было совершенно ясно, что здесь не действуют привычные стимулы-подгонялки. Публичное выступление в библиотеке не приносит медийных дивидендов, оно не становится поводом для освещения в прессе. Оно остается событием местного значения. Такое выступление не укладывается в привычный академический формат – ведь это даже не лекция для студентов. К тому же здесь не было никаких «записавшихся» слушателей, а это значит, что количество и качество аудитории не было гарантировано никому. Слушатели не платили деньги за посещение, а значит, не приходили хотя бы для того, чтобы оправдать потраченные средства. Согласиться на то, чтобы прочитать лекцию, означало рискнуть столкнуться с пустым залом или с залом, равнодушным к тому, о чем будешь говорить. Принять такой вызов, прочитать лекцию для негарантированной аудитории, когда за это не обещано ничего, значило отрешиться от всех привычных стимулов. Тогда, в самом начале мы не говорили о публикациях, и ни тогда, ни когда-либо потом речь не шла ни о каких материальных стимулах (начинание состоялось без всякой финансовой поддержки).

Следующее отрешение – от привычного академического формата. Сейчас речь уже не о формате устного выступления, а о его письменном завершении. Единственное, что оказалось привычным в этом отношении – это то, что письменный вид был статьей. Статья – обычное дело, это верно; но все остальное было необычным, то есть отрешением от обычного академического антуража. Статья бывает посвящена какой-то теме, обычно довольно узкой, специализированной. Но в данном случае статья могла быть любой при условии, что она гармонировала с общей темой начинания. А тема эта – «Анатомия

философии: как работает текст». Эта тема, в свою очередь, требовала самого решительного отказа от устоявшихся привычек. «Анатомия философии»: это словосочетание разбивается о самого себя, саморазрушается, не успев слететь с губ и достигнуть уха слушателя. Телесность, причем телесность мертвая, разъятая на части, потерявшая жизнь и вместе с ней душу; телесность, превратившаяся в школьное пособие, в рисунок в учебнике или в руководство для работы патологоанатома – вот что такое «анатомия». Что может быть менее сочетаемого со словом «философия»; что хуже сочетается с анатомированием, нежели философия, о которой никто не знает, что она такое, но которой все мы служим, уверенные в том, что уж во всяком случае до нее нельзя дотронуться скальпелем. Анатомировать философию невозможно; но если это и делать, то уж никак нельзя надеяться найти в мертвом, расчлененном и по частям измеренном и взвешенном «теле» какую-либо жизнь. Жизнь и анатомирование несовместимы больше, чем вода и огонь. Так что же можно мыслить в словосочетании «анатомия философии»? Ничего, ровным счетом ничего; разве что *невозможность что-либо мыслить*.

Тема «Анатомия философии», таким образом, оказывается *отказом от всякой заданной темы*. Это зияние; пропасть, бездонная яма или воронка водоворота. Иначе говоря, отказ, отрешение от всякой тематизации. Статья, написанная для «Анатомии философии», не будет статьей по заданной теме: это очевидный отказ, отрешение от академических устоев.

Но тогда чем она будет, такая статья? На этот вопрос отвечает подзаголовок темы – «как работает текст». Сразу – текст; сразу – замахнуться на самое большое, на максимальный масштаб. Философ работает со словом, называя его понятием, категорией и т.д. Философ работает с предложением, называя его утверждением, пропозицией и т.д. Философ работает с рядом сцепленных предложений, называя такую сцепку рассуждением, силлогизмом и т.д. Но философ не работает с текстом целиком. И это не случайно. Понятие, рассуждение требуют анализа, расчленения на части. Требуют исследования своего внутреннего строения, открываемого через анализ их частей. Однако текст – это не целое, сложенное из частей. Текст – это целостность. Различие в том, что целостность нельзя сложить из отдельных кусочков. Вот на вращающемся гончарном круге под рукой гончара нелепый кусок глины обретает *из ничего* прекрасную форму; вот нерадивая и скупая хозяйка склеивает кусочки разбитого сосуда, чтобы не покупать новый. Это грубое сравнение с целостностью и целым. Говорить о тексте, о том, как он работает, значит прикоснуться к тому, что выше и анализа, и синтеза (кто скажет, что на гончарном круге «синтезирован» сосуд?) и что требует другого, совсем другого подхода. Значит, и здесь, в подзаголовке темы, мы сталкиваемся с чем-то совершенно непривычным. Если заголовок – это засасывающее зияние, то подзаголовок, напротив, горный импульс, зов неизведанного.

Отрешение, подсказываемое темой нашего начинания, оказывается поэтому не просто отбрасыванием привычного, а значит, не просто отрицанием. Отрицание здесь имеет лишь тот смысл, что требует отрешиться от привычных ограничений, привычных рамок и даже от самой привычки находить или изобретать для себя рамку. Тема, как она сформулирована, – это приглашение к творчеству. *Свобода и творчество* – вот подлинная тема любой статьи, написанной для «Анатомии философии». Свобода и творчество не как понятия, но как именно *мои* свобода и творчество. Это я, именно я, должен явить себя как свободную и творческую личность; это на моей лекции и в моей статье должно свершиться творческое и свободное действие. Вот на этот зов и откликнулись те, кто пришел читать лекции и кто писал тексты для «Анатомии философии...». Это начинание стало *действенным осуществлением* свободного творчества тех, кто участвовал в нем.

Это был, конечно же, вызов. Но не просто вызов каждому отдельному участнику. Да, безусловно, каждый должен был принять такой вызов и тем самым сказать: я творческая личность, я сделаю на ваших глазах то, что заставит вас слушать и участвовать; я смогу, повинувшись зову творчества, претворить зияние в наполненность, по своим собственным чертежам выстроить прекрасное здание, в котором

вам захочется поселиться. Но это был и вызов общий. Это не менее, а может быть, и более важно: это был вызов всему сообществу и в этом смысле серьезный риск. Ведь такое начинание могло состояться только при том условии, что каждый принял бы такой вызов как личный и смог бы достойно ответить на него.

Думаю, что в этом главная загадка и вместе с тем — главная разгадка неожиданности и удивительной необычности феномена «Анатомия философии». Начавшееся как личная инициатива своего вдохновителя, это начинание очень быстро стало *общим делом*. Зияние «анатомирования философии» не могло не чувствоваться, зияние неуставного формата публичной лекции не могло не смущать. Это настраивало в самом начале если не на скептический, то на вопросительный лад: а кто откликнется? кто будет участвовать? Ведь отказ от всех уставных мотивов означал, что согласие участвовать будет исключительно свободным, никаким иным. Однако очень быстро выяснилось, что уже не надо никого уговаривать, напротив, надо умудриться составить очередь так, чтобы дать возможность выступить всем и никого не обидеть. Это значит, что мы как сообщество оказались готовы принять этот общий вызов. Это значит, что зияние никого не смутило, что все, кто принял участие, откликнулись на приглашение к свободному творчеству, причем приняли это приглашение совершенно свободно, без принуждения и бескорыстно.

Еще одно отрешение, без которого не состоялось бы это начинание и которое, в свою очередь, благодаря этому начинанию стало возможным, — это отрешение от соперничества. Отказ от принятой тематизации любой отдельной лекции/статьи и всего начинания в целом означал *отрешение от общей рамки*. Когда нет общей рамки, нет и того общего фона, на котором только и возможно соревнование. Дух соревнования, один из устоев либерального мировоззрения, объединяет исполнителей, но не творцов. Для исполнителей заранее задана общая рамка, общее поле деятельности, одна-единственная беговая дорожка, на которой надо опередить всех остальных. Но невозможно представить себе соревнование творцов (если оно вдруг имеет место, творец тем самым превращается в исполнителя), потому что каждый из них задает свое собственное пространство, задает свою систему координат, задает свои смыслы, иначе говоря, творит целостность. Именно это случилось в «Анатомии философии...». Чистое, свободное творчество, не скованное никакой предзаданной рамкой и отвечающее на вызов творить, — вот чем оказалось это начинание.

Свободное творчество, не запятнанное соперничеством, свободно и от зла. Злое начало, если таковое возможно, не творит, а разрушает; для творца же соперничество стало бы первой червоточинной, источником разъедающего отказа от творчества. Соперничество — первый источник зла. Идея ненасилия только потому возможна, что ею движет предчувствие творческого устройства жизни, и только потому она не принимается, что жизнь устроена на других началах. А вот «Анатомия философии...» стала выходом в другой лад, в другой склад и уклад — выходом в ту слаженность, которая избегает любого насилия над каждым, которая не загоняет никого в «общую» рамку, но дает каждому достичь высшей вершины, возможной для него и именно для него и недоступной другим. «Анатомия философии...» поэтому имеет и онтологический смысл, поскольку она приоткрыла для каждого из нас дверь в другой мир, выстроенный иначе, чем тот, к которому мы привыкли, который заполняет наши глаза и уши и назойливо навязывает себя. Этот *другой уклад* составляет правду этого мельтешащего перед нами мира и, наверное, только и делает его оправданным, и потому возможным.

И еще два расставания, которые совершились и которые подтверждены «Анатомией философии». Это начинание можно рассматривать как очень важное свидетельство зрелости. Это также своего рода отрешение — отрешение от травмы. Двадцатый век стал для России веком тяжелейших катастроф. Отсутствие почвы под ногами, перерубленная связь с собственным прошлым, насильственная (и, к счастью, до конца не удавшаяся) манкуртизация, необходимость спрятаться и притаиться; а затем, в постсоветский период, болезненное чувство отставания от мировой философии, снова

необходимость «догнать» и ушедших вперед лидеров, и оставшееся позади собственное прошлое, «ликвидировать разрыв». Неверие в себя и боязнь собственного голоса. Похоже, что эти травмы изжиты, что мы уже не боимся говорить на свой лад. И другое отрешение – отрешение от какой-либо партийности философии. Недоверие ко всякой идеологии, к любой догматической системе стало ценнейшим результатом пережитого в двадцатом веке. Это недоверие необходимо удерживать, поскольку только оно открывает путь к свободному творчеству; между тем оно, к великому сожалению, начинает ускользать. Дореволюционная философия была удивительна, но она была безнадежно скована православной рамкой, задававшей тематизацию и не дававшей поставить целый ряд вопросов. Любая религия прекрасна как внутреннее убеждение и личное верование; но никакая не может претендовать на все-истинность. «Анатомия философии» стала отрешением от этих рамок (как и от любых других). Это, свободное и творческое преодоление любых рамок ради удержания всего, что может быть удержано и развито, – ценнейшее достижение.

В какой же логике говорить о таком собирании, о такой творческой соборности, не скованной никакой внешней рамкой, но находящейся в ладу с собой как свободным содружеством? Слова, которые привычно просятся на язык: «единство», «целое», «общее», не годятся. Здесь нужны слова с приставкой «все-», а не с приставкой «обще-». Нужно понять, как возможно собирание без заданной общей рамки, – ведь это не целое, состоящее из частей, и это не единство, объединяющее противоположности. Эти обкатанные способы собирания разрозненного не подходят здесь. Давайте назовем такое собирание все-единством, имея в виду тот смысл, который вкладывали наши мыслители в категорию «все-человеческое» в ее противопоставлении «обще-человеческому». А смысл этот – именно отсутствие общей предзаданной рамки, открывающее простор гармоничному свободному творчеству и дающее возможность каждому достичь своей и только своей (для других недоступной) вершины.

В этом смысле состоявшийся этап «Анатомии философии» я предлагаю назвать «открытое все-единство нашей философии». Все-единство по самому своему смыслу открыто, оно не может быть герметичным. И это, пожалуй, последнее из отрешений, о котором стоит сказать, – отрешение от закрытости и цеховой узости. Это начинание не ограничено никакими рамками, а значит, и рамками территории или ведомственной принадлежности. И если свободное соборное творчество, которое родилось в этом начинании, соответствует нашему душевному складу и нашему жизненному укладу, то это начинание подтвердит свой смысл и распахнет для всех нас дверь в новый мир. Открытое все-единство будет прирастать.

Сказанное звучит несколько фантастично? Может быть. Между Чистыми прудами и Покровкой, в Библиотеке им. Ф. М. Достоевского и должно было родиться то, что будет звучать фантастично. Но «фантастично» не значит «недействительно». В столетие года великой русской катастрофы обрело свое рождение то, что способно стать намеком, как залечить раны, прогнать недуг и исцелить занедужившего. Будем на это надеяться.

Все о том же – кому и зачем нужна философия?

А. А. Гусейнов

Философы, как известно, постоянно задумываются над предметом своих занятий. Говорят, математики не знают, что такое число. Но это не мешает им считать. Философы не знают, что такое философия, и философствуют, чтобы узнать. Есть еще один «вечный» вопрос, который также стал предметом публичного интереса и споров с момента зарождения философии и остается таковым на протяжении всей ее истории, а именно: каково место философии в обществе, или, говоря по-другому,

зачем и кому она нужна, помимо самих философов? Возможно, он является небезразличным также для общества, если согласиться с Декартом, говорившим, что «... каждый народ тем более цивилизован и образован, чем лучше в нем философствуют». Несомненно же то, что он важен для самосознания философов и их социального статуса. В наши дни этот вопрос, пожалуй, приобрел особую остроту из-за двух совершенно новых факторов.

Во-первых, сегодня общество, не экономика только, а именно все общество стало рыночным. Обмен деятельностью осуществляется через посредство денег, и ничто, что не имеет рыночной цены, не может получить место в публичном пространстве. Прямой обмен в таких условиях уже почти стал преступлением. И философия, чтобы быть признанной в современном обществе, должна сказать, что и на каком основании она продает, сколько стоит то, что она продает, а главное, кто и зачем будет покупать ее «продукцию», и т.д. Она должна предложить себя как услугу.

Во-вторых, система общественных связей стала настолько плотной, жизнь настолько светлой и озабоченной, что у людей не остаётся времени на досуг. И даже если бы в силу какого-то озарения кто-нибудь из думающих деловых людей захотел заняться философией, он не смог бы сделать этого из-за тотальной занятости, сплошной заполненности своего «графика». Сегодня сама философия (или то, что называется философией) не может воспроизводить себя иначе, как в форме полезного (читай: оплачиваемого) дела. Не о том речь, что согласно азам материализма человек должен есть, пить, одеваться, прежде чем он начнет философствовать, и люди все время тратят на вынужденные занятия. Нет, сами занятия, какова бы ни была их природа, не могут состояться в качестве общественно полезных дел без того, чтобы они стали вынужденными, т.е. в нашем случае рыночными. И это в полной мере относится к философии. Разве не об этом свидетельствуют гранты, разного рода спонсорские взносы, которые стоят за философскими разработками и даются под определенные темы?! Разве исследователи не поставлены в ситуацию, когда прежде, чем думать о том, о чем им думается, они вынуждены думать о том, на что им дадут деньги?! У Лукиана Гермес, распродавая философов, назначал каждому цену, и это была сатира. Сегодня это не выглядело бы художественным преувеличением.

Проект «Анатомия философии: как работает текст» (см. [Синеокая (ред.) 2016]), на мой взгляд, интересен с точки зрения темы: философия и общество, говоря точнее, место философии в публичном пространстве. В этом отношении он дает пищу для оптимизма. Проект оказался живым и добровольным делом, в известном смысле даже спонтанным. Во всяком случае, у людей, которые в нем участвовали, у самого руководителя (автора) Ю. В. Синеокой и ее помощников, а также у выступавших философских работников, не было никаких дополнительных стимулов, ни материальных, ни административных, ни общественных, кроме самого дела, которое они делали. Ничего формального. Ничего казенного. Никаких официальных благодарностей, никаких сертификатов и тому подобного. И, разумеется, никаких денег. Доклады не предусматривались никакими планами, не входили ни в какие отчеты, первоначально даже не намечались к публикации. Докладчиков, насколько я в курсе, не приходилось особо уговаривать, все откликались охотно, была даже своего рода скрытая конкуренция за то, чтобы приобщиться к проекту. Все делалось на общественных (или, как говорили в годы нашей советской юности, на коммунистических) началах. В нашей гуманитарной лексике заметное место занимает понятие гражданской инициативы. Проект этот был самый что ни на есть чистый случай такой инициативы. При этом надо особо подчеркнуть: он был добровольным, инициативным, самодеятельным, бесплатным не только для докладчиков, но и для слушателей, которые приходили только потому, что сами хотели приходить, и именно туда, куда они и приходили. Удивительное в наши дни дело: никто не спрашивал пропусков, не составлял списков присутствующих. Двери были открыты, а зал постоянно заполнен, хотя он не очень большой, но именно такой, какой нужен для разговора в режиме беседы или лекции с возможностью активного участия слушателей. Осуществлялась прямая трансляция и материалы

еженедельных философских встреч на протяжении уже почти двух лет (а проект имеет преемственное продолжение до настоящего времени) доступны в Интернете без каких-либо ограничений. Словом, это было доброе семя, которое упало на готовую принять его почву. Здесь люди встретились с людьми: одни хотели рассказывать о философских проблемах, другие хотели слушать их.

Философию в современном обществе оценивают по критерию пользы. Следует добавить: ее оценивают по критерию пользы в качестве науки. Оценивая философию, ее сопоставляют с такими очевидно полезными областями знания, как физика, химия, социология, лингвистика и т.д. Не будем спорить, насколько оправдан такой подход. Если даже его нельзя считать верным на все сто процентов, то в значительной мере он оправдан, и философия — это род научного знания или, по крайней мере, ближе всего именно к научному, а не иному роду знаний. В любом случае общество (и «власти», и «публика»), формируя свое отношение к философии, определяя ее место в системе институтов и приоритетов, относит ее именно к науке. И это доставляет людям, занимающимся философией, особые трудности.

Прежде всего, философия как профессиональное дело — это необъятное поле знаний, технических приемов, навыков, овладение которыми не просто требует огромного труда, усердия, оно просто невозможно в принципе. Разве может тот, кто занимается Аристотелем, элементарно прочитать, познакомиться, а не то, что проработать горы литературы, текстов и мнений о нем и вокруг него?! Или, скажем, ученые следят за новейшими открытиями своих отечественных и зарубежных коллег, но что это значит для философа? Не будем говорить, что философское дело является более тяжелым, чем другие научные занятия, но, несомненно, оно не менее тяжелое. В данном случае тяжесть труда умножается именно его необъятностью (мыслители, закладывавшие основы современной научной методологии, учили делить рассматриваемую проблему на столько частей, сколько необходимо, чтобы исчерпывающе их разрешить, но они не сказали, как это делать в философии, хотя сами были философами). Материал, необходимый, даже обязательный, для того, чтобы философский труд отвечал научным критериям, один человек ни при каких условиях охватить не может, а коллективные формы философствования не придуманы.

Отсюда следующая специфическая трудность сугубо психологического свойства, сопряженная с тем, что философы обречены на то, что быть постоянно недовольными собой, ибо они никогда не могут по-настоящему быть уверены в результатах своего труда. У философа не может быть успеха, аналогичного успеху представителя частных наук, открытие которого, если оно подтверждено надлежащим образом, становится бесспорным и общепризнанным фактом. Философские утверждения и обобщения всегда можно оспорить, такова их природа. И это является объективным источником неуверенности философа в своих выводах, которые тем не менее, по преимуществу, преподносятся так, как если бы они были бесспорными. Нельзя обманываться и принимать за чистую монету невероятную самоуверенность, свойственную подавляющему большинству, если не всем философам, выражающуюся в безусловности их суждений, в демонстрируемом убеждении, будто они решили все проблемы и едва ли не закрыли вселенную на ключ; самоуверенность, доходившую в отдельных случаях до того, что философы объявляли себя даже богами. Это был скорее способ справиться с имманентным их труду отчаянием (не знаю, уместен ли данный пример, но на ум приходит, как был оскорблен Платон, когда ему сказали, будто Дионисий присвоил себе его, Платона, философию, и как он возмутился, заявив, что философия в ее подлинной высшей форме вообще не может быть выражена в словах, да и философ, достигший этой стадии, не будет стремиться сделать это). Философы, как свидетельствуют наблюдения, в жизни являются людьми остроумными, находчивыми, но в своем философском деле, в трудах своих, они лишены чувства юмора. И это не случайно. Какой уж тут юмор, когда на их плечах держится истина мира?! Самоуверенность и серьезность философа — это своего рода элементы его доказательной базы, изначальная диспозиция его профессионального занятия, способ заявить себя в качестве философа.

Из сказанного не вытекает, будто к философии неприменимы общие критерии оценки научного труда, но они для нее недостаточны и неспецифичны. Существуют и другие дополнительные показатели ценности и нужности философских достижений, которыми сами философы особенно дорожат. И одним из них является наличие последователей, людей, которые им верят и хотят их слушать. Философия – занятие индивидуальное, даже одинокое, но философу тем не менее почему-то нужны слушатели. Даже Заратустра у Ницше, этот философ-сверхчеловек, удалившийся от людей в горы, время от времени спускался к ним обратно вниз, пресытившись «мудростью своей, словно пчела, собравшая слишком много меда». Да, философы нуждаются в простер-тых к ним руках.

Ведь не случайно развитие философии было, как правило, связано с философскими школами, с избранным кругом общения. Я не хочу сказать, что философские программы – это символы веры. Конечно, нет. И тем не менее в них существует некая производность, которая предполагает, что их должны принять не только в силу их истинности, но что им еще должны и поверить. Для философских идей мало того, что они доказательны, их надо еще увидеть. Идеи не просто аргументируются, они еще созерцаются. Поэтому философ не удовлетворяется общением среди коллег, где он обязан доказывать свои идеи с ничтожными шансами на успех. Ему еще нужны люди, которые слушают его, что называется, с открытым ртом. Мне кажется, наши коллеги охотно, даже с каким-то внутренним подъемом шли на встречи в библиотеке имени Достоевского по той причине, что в них они видели свидетельство доброкачества своего исследовательского труда. Хочу напомнить эпизод из жизни знаменитого Диогена Синопского, рассказанный Диогеном Лаэртским: однажды Диогена, рассуждавшего о важных вещах, никто не слушал, тогда он стал верещать по-птичьи и к нему многие сбегались; Диоген на это заметил, что его философские речи афиняне игнорировали, а на птичий голос сбегались. Этот пример говорит о том, что если философ говорит дело, то это не значит, что его будут слушать. И о том еще, что если к нему сбегаются люди, то это не значит, что он говорит дело. Но этот пример говорит нам не только об этом. Он также свидетельствует: философ хочет, чтобы его слушали. Конечно, исследователи философии (философские работники, научные сотрудники, профессора), каковыми являются участники проекта «Анатомия философии...», – это не Философы с большой буквы, как создатели великих учений, которыми мы восхищаемся, но тем не менее что-то общее с ними, пусть в самых малых размерах и подражательных вариантах, у них имеется. Нам тоже хочется убедиться в том, что мы пишем не пустое, что есть люди, которых это интересует, что кто-то приходит послушать наши речи, кто-то нуждается в них.

Еще одна особенность и причина успеха рассматриваемого проекта, на мой взгляд, заключается в том, что он в рамках самой философии не был тематически ограничен, предоставляя докладчику полную свободу выбора конкретного предмета разговора. Кого что интересует, кто чем в данный момент или вообще увлечен, то и становилось темой очередной встречи. Такая видимая бессистемность оказалась в данном случае продуктивной. Философия – не только опыт обобщения достигнутого обществом уровня познания и исторического развития (не только, если вспомнить известное определение – эпоха, схваченная в мысли), это еще и определенный смысл, задаваемый самим философом. Будучи познанием мира в его наиболее общих и фундаментальных принципах, она является также самопознанием человека. Философ хочет создать такую картину мира, в которой нашлось бы место и ему самому. Многие великие философы, начиная с Гераклита, признавались, что, создавая свои учения, они искали себя. Проект «Анатомия философии...» позволял участникам говорить о текстах, именах и темах, которые им особенно близки, лично их волнуют, позволял им говорить о своей личной причастности к философии. Собственно, иногда даже не нужно искать какого-то иного («объективного») критерия актуальности (злободневности) философии, кроме действительно участливого отношения к ней тех, кто ею занимается. Если тебя, живущего сегодня и здесь,

действительно волнует, по-человечески затрагивает та или иная проблема, а ответ на нее имеет для тебя жизненное значение, и ты при этом не сумасшедший, это значит, что она является актуальной и будет таковой не только для тебя. Значит, найдутся те люди, которых это тоже затрагивает; и когда они находятся, то это уже двойная радость для тебя и как для человека, и как для специалиста, которые, вообще-то говоря, когда речь идет о философии, должны сливаться в одно лицо.

Может быть, я слишком мудрствую о простом деле и достаточно бы было охарактеризовать этот проект как удачу научно-популярного свойства. На самом деле об этом я и говорю. Проект этот показал, что философия оказывается популярной как философия тогда, когда она занимается своим делом (а не политической, журналистской и иной повседневностью). Он также показал, что общественная значимость философии определяется наличием людей, которых волнуют философские проблемы и подходы к жизни. Философия существует около 3000 лет и никто никогда не знал, зачем и для кого она нужна. Тем не менее она существовала. Всегда находились люди, которые занимались ею. Всегда находились люди, которые были готовы внимать философам и задавать вопросы. И всегда находились люди, которые не понимали философии и часто относились к ней негативно.

Уроки успеха: академическая философия и проблема публичности

М. Ф. Быкова

В круговороте повседневных дел и событий, в постоянной гонке за убегающим временем мы часто не успеваем остановиться и задуматься о происходящем. Лишь в моменты неудач и малых или больших провалов, мы вдруг останавливаемся, замираем, пытаемся извлечь хотя бы какие-то полезные уроки из поражения. Этому также способствует и повсеместное убеждение в том, что люди учатся на ошибках и что уроки, извлеченные из ошибок, являются чуть ли не самыми важными. Не подвергая сомнению народную мудрость, я все же рискну предположить, что не менее важные уроки можно почерпнуть из успехов, и не только из чужих. И в ряде случаев положительные уроки успеха могут быть более значительными и существенными для дальнейшего продвижения вперед, нежели негативный опыт поражений.

Я предлагаю остановиться на уроках успеха проекта «Анатомия философии: как работает текст», с тем чтобы не только выявить симптоматику успеха, но также диагностировать причины его закономерности и понять возможные последствия. Здесь, по-видимому, нет нужды подробно представлять этот совместный проект Института философии РАН и Библиотеки им. Ф. М. Достоевского; как и нет надобности убеждать читателя в огромном его успехе. Доказательством триумфа проекта являются многочисленные свидетельства. Например, продолжающийся поток слушателей, которые уже почти на протяжении трех лет еженедельно приходят в библиотеку на Чистых прудах (Библиотеку им. Ф. М. Достоевского) с желанием не только пообщаться к философским истинам, но и стать участниками живого философского диалога. Или бескорыстная готовность представителей академической (профессиональной) философии выступать в библиотеке в свое свободное время, вступая в спонтанный диалог с непрофессиональной (публичной) аудиторией. Немаловажно также и внешнее признание проекта, свидетельством чему явилась Золотая медаль РАН, врученная в феврале этого года инициатору и неизменному руководителю проекта Ю. В. Синеокой. Однако, предлагаемый разговор — это не столько разговор о том, насколько успешным оказался проект. Моя цель в том, чтобы понять, какие полезные

уроки мы, представители философского цеха, можем извлечь из успеха проекта для себя и для нашей дисциплины. Главный вопрос, на котором я хотела бы остановиться,— это вопрос о причинах успеха самого проекта и о том, какое воздействие этот успех может иметь на будущее развитие академической философии.

Несмотря на прагматизм эпохи, в которой мы живем, в наше время наблюдается тенденция резкого возрастания интереса к гуманитарному знанию. И дело не только в том, что человек не перестает задаваться важнейшими экзистенциальными вопросами о смысле его существования и о его месте в мире. В условиях разворачивающегося на наших глазах технологического прогресса и все убыстряющегося темпа развития мировой экономики еще более обостряются и становятся злободневными стоящие перед современным обществом вызовы и угрозы, решение которых требует обращения к передовому гуманитарному опыту. Кроме того, налицо возрастание научного и общественного интереса к роли гуманитарного фактора и его влиянию на международно-политические, социальные и культурные процессы во всем мире. В этих условиях становится актуальной задача популяризации научного гуманитарного и, прежде всего, философского знания.

Я далека от того, чтобы объявлять философию венцом всего знания человечества (как полагал Гегель) или называть ее вершиной культуры (как считали античные мыслители). Однако трудно не согласиться с тем, что философия занимает уникальное место в системе гуманитарного знания. Одна из основных ее миссий состоит в развертывании широких дебатов общегуманитарного характера. Задача философии не только в том, чтобы определять направление и самой вносить вклад в эти дискуссии. Важное назначение философии — в повышении стандартов самого дискутирования. Ибо заниматься философией означает учиться более глубоко и логически строго мыслить о трудных вопросах, на которые нельзя ответить с помощью эмпирических исследований. Физика, например, может дать ответ на существенные вопросы посредством эксперимента. В области истории многие вопросы могут быть разрешены путем нахождения соответствующих исторических документов. Однако ни один из этих методов не позволит ответить на вопросы, которыми занимаются философы. Здесь нужно учиться мыслить. Стандартами философии являются культура ума, дисциплина мышления и логически строгое аргументирование.

Исторически философия возникла как всеохватывающая область знания. Логика, этика, метафизика, мораль, политика, математика, право, теология, эпистемология, естественные науки — все они изначально являлись частью философии и только позже получили свое имя, выделившись в качестве отдельных сфер и превратившись в специализированное знание. Некоторые из них до сих пор остаются частями философии, в то время как другие ныне классифицируются как отдельные области знания. Однако, как представляется, ни одна из этих областей знания не существует в отрыве от философского исследования, и роль философии значительно больше, чем лишь набор простых вопросов внутри этих дисциплин. Иными словами, уже самое поверхностное рассмотрение позволяет выделить важные функции философии, которые делают ее значимой и полезной для широкой публики. Во-первых, она учит людей, как правильно формулировать и выражать собственные идеи как устно, так и письменно. Во-вторых, она заставляет людей задумываться о вопросах и проблемах, о которых они иначе, может быть, и не стали бы размышлять, но которые являются существенными для определения их жизненных ориентиров и достижения той полноценной и наполненной смыслом жизни, к чему многие из нас стремятся. Уже эти два фактора влекут людей к философии.

И в этих условиях возникает жгучая потребность в так называемой «публичной» философии, той, которая способна транслировать достижения академической (профессиональной) философской мысли, делая их доступными для широкой публики. Не секрет, что подобно всем научным дисциплинам, академическая философия имеет свой специфический язык, который часто не доступен широкой, даже весьма образованной, публике. Поэтому, если мы хотим быть услышаны и восприняты,

«культурный перевод» с академического языка на публичный неизбежен. И заниматься этим должен не кто-то другой, а мы сами, философы-профессионалы. Ибо никто, кроме нас самих, не способен изложить наши собственные идеи в доступном виде, без того чтобы исказить или упростить их до такого состояния, что все содержание оказывается выхолощенным и произносимые, как заклинание, громкие утверждения утрачивают какой-либо смысл. К сожалению, последнее часто имеет место быть в средствах массовой информации или даже в многочисленных толстых журналах, когда непрофессионалы, пытаясь блеснуть эрудицией, не к месту цитируют великих философов или приводят искаженную интерпретацию философских идей и концепций.

Однако проблема выхода академической философии в публичную сферу – это не чисто техническая проблема и она не сводится лишь к формальному «переводу» академического языка на язык широкой публики. Не менее важным является нахождение тех приемов и методов, которые позволили бы представлять, транслировать философское знание в современной форме, доступной широкому кругу людей. Кроме того, необходимо создание публичного философского дискурса, суть которого не только в том, что философы и философия должны выполнять важную публичную роль (быть «властителями дум», как это происходило в Европе XIX и даже отчасти XX века), но, прежде всего, в том, что сама публика должна стать полноценным участником серьезных философских дебатов.

В этом смысле представляется, что один из важнейших уроков успеха проекта «Анатомия философии...» состоит в том, что удалось найти, нащупать ту форму, тот формат, в котором возможно эффективное и творчески перспективное взаимодействие академической философии с публикой, ведущее к формированию продуктивного публичного философского дискурса. Встречи в Библиотеке им. Ф. М. Достоевского стали не только доказательством интереса публики к академической философии и утверждением ее публичной роли, они также продемонстрировали необходимость для философов связи со своими читателями и слушателями. Оказалось, что взаимодействие между профессиональной философией и философствующей публикой является обоюдозоуплезным и плодотворным как для публики, так и для самой философии. О взаимовыгодном характере данного взаимодействия мне хотелось бы поговорить более подробно.

Вопрос о влиянии философии на публику чаще всего сводят к чисто просветительской роли. Просвещение предполагает передачу знания, формальное или неформальное обучение, образование. И это, несомненно, тот процесс, с которого начинается и который лежит в основе общения философов-профессионалов со своей аудиторией. Публичный проект «Анатомия философии...» не является исключением. Однако встречи в библиотеке не ограничиваются исключительно просветительством. Специфика и новизна проекта состоит как раз в том, что здесь были выработаны новые формы и достигнуты более глубокие уровни взаимодействия академической философии с публикой. Одна из таких форм – это *диалог*, когда публика начинает функционировать как сообщество равных, выступая не просто в роли прилежного ученика, а в качестве полноправного участника дискуссии. Когда она интегрируется в сам процесс дискуссии и участвует в оценке и верификации идей и концепций, выносящихся на суд слушателей. В результате сама публика начинает участвовать в выработке нового философского знания. Такое *со-участие* чрезвычайно важно как для публики, так и для самой философии. И дело не только в том, что публика приобретает навыки активной философской коммуникации, а философия оказывается востребованной и становится частью общественного дискурса. В самом процессе со-участия активно формируется публичная сфера философии, «сфера обитания» ее конкретных практических связей с обществом. Успех проекта как раз и состоит в том, что он делает философское знание публичным, т.е. открытым и доступным широкой публике. Последнее, несомненно, способствует формированию публичного философского дискурса как особой социальной данности.

Но что это означает для академической философии и для цеха профессиональных философов? Не является ли публичность философии контрпродуктивной для самой философской науки? Это именно то, чего опасаются многие оппоненты популяризации философского знания. Ведь всегда есть угроза того, что в погоне за доступностью языка и стремлении к доходчивому изложению материала само содержание философских идей будет утрачено или упрощено до неузнаваемости. Более того, защитники «чистоты рядов» конкретных цехов ученых часто с подозрительностью относятся к представителям других дисциплин, а уж тем более к широкой общественности, не имеющей специального образования.

Рискну утверждать, что успех проекта «Анатомия философии...» также, а может быть даже в большей степени, связан с тем влиянием, которое он оказывает на самих профессиональных философов, а также дальнейшее развитие философской науки.

Проблема в том, что, основательно занимаясь важными философскими темами и вопросами и все глубже погружаясь в предмет своего исследования, философ рискует тем, что он отдаляется, нешуточно отрывается от реального мира. Тогда мир становится для него не объектом изучения и приложения его знания, не сферой интереса и реальным полем его деятельности, а какой-то инородной массой, тем макрокосмом, в который он может время от времени погружаться, но с которым у него нет никакого действительного контакта. Со временем философ все больше отдаляется от реальности, живя полной жизнью исключительно в мире знания и воспринимая реальный мир лишь как сферу простого физического обитания. Не только он противостоит миру, но и сам мир противостоит ему. В результате он развивает некую самоуверенность в правоте и непогрешимости своих собственных взглядов и идей. Единственным критерием оказывается оценка коллег. Но замыкание в рамках узкого круга специалистов чаще всего приводит к стагнации как самой науки, так и исследователя, ибо знание — динамичный процесс и оно нуждается в практической верификации. Это особенно актуально для гуманитарного знания, частью которого является философия. Философское знание не только обращается к миру как к своему предмету изучения, но и требует апробации в социальной сфере.

В этом смысле представляются весьма странными и даже абсурдными выдвигаемые в последнее время критерии оценки продуктивности философа. Я имею в виду индексы цитирования, которые якобы должны служить тем мерилем, по которому должен определяться успех научной деятельности философа. Замечу, что данный, чисто scientистский, подход к работе философа является, по-видимому, уникально российским. Ибо ни в Европе, ни в Америке философы, и вообще гуманитарии, не оцениваются по количеству цитирования. Индексы цитирования существуют только для ученых-естественников, представителей технических и ряда общественных наук (таких, как социология, психология и др.). По моему глубокому убеждению, количественный критерий цитирования является неоднозначным и опасным как для деятельности исследователей-гуманитариев, так и для развития гуманитарного знания в целом. Этот метод оценки не только не учитывает специфику гуманитарных исследований, но также не принимает во внимание тот факт, что в большинстве своем продукцией гуманитариев являются не журнальные статьи, а индивидуальные и коллективные монографии. И принципы цитирования в книгах существенно отличаются от правил, применяемых в журналах. Кроме того, использование количественных показателей эффективности научной работы само по себе противоречит идее свободного творчества, пионером и проводником идеалов которого традиционно была философия. Отсюда непомерно растущее как по количеству, так и по объему, производство публикаций, ценность которых, мягко говоря, не поддается никакой критике.

Но вернемся к основной теме нашего разговора. Мне представляется, что проект «Анатомия философии...» имеет непреходящее значение для профессиональных

философов и академической философии в целом. Встречи в библиотеке позволяют и стимулируют выход исследователя-профессионала за рамки своего цеха, предоставляя ему ту общественную площадку, которая делает возможным установление контакта с публикой и самим миром. Возникающий при этом диалог с аудиторией оказывается продуктивным не только для «получателя» знания, самой аудитории, но и для основного «производителя» этого знания, профессионального философа-исследователя. Последний приобретает возможность установить прямую связь с «получателем» знания, что в обычных условиях не происходит. Ибо в своей повседневной работе мы, в основном, ориентируемся на воображаемого читателя. Здесь же устанавливается прямая связь между ученым и его аудиторией. Более того, ученый получает возможность познакомиться с *иной* (чаще вненаучной) позицией, а также почувствовать, узнать нечто *другое*, что, как известно (и на что указывали такие мыслители, как Г.В.Ф. Гегель, И. Г. Фихте, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, М. Бубер и многие др.), оказывает стимулирующее влияние на научный поиск и саморефлексию индивида. В публичном диалоге результаты труда ученого подвергаются критической оценке общественности, которая может быть не посвящена в «тайны» научного лексикона и в перипетии отношений в рамках цеха профессионалов, но которая, будучи свободна от каких-либо корыстных интересов, способна судить по «гамбургскому счету» потребностей времени.

Переполненные холлы Библиотеки им. Ф. М. Достоевского во время встреч с философами – это, пожалуй, лучшее доказательство не только необходимости академической философии для общества, но и ее способности быть адекватно представленной в публичном пространстве (за что активно выступают многие интеллектуалы, и в первую очередь Ю. Хабермас). И, по-видимому, именно общественное признание, а не искусственно созданные метрики (типа количественный показатель цитирования, импакт-фактор издания и индекс Хирша), и должно быть действительным «измерением философии», а также критерием оценки деятельности философа-профессионала.

А что сама философия? Есть ли ей какая-либо польза от проекта «Анатомия философии...» и публичности вообще? Полагаю, что формируемый проектом дискурс *со-участия* непосредственно способствует развитию философского знания. И не только тем, что задаваемые аудиторией вопросы и высказываемые с позиции *иного* подхода взгляды, стимулируют мысль профессионала-исследователя, но также и в силу того, что сама публика становится творцом новых идей и позиций. Здесь есть еще один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание. Сегодня мы наблюдаем невероятный бум паранаучных (и даже лженаучных) идей и воззрений, которые конкурируют в публичном пространстве с научным знанием, нередко вытесняя его. В этой связи «Анатомия философии...» выступает в качестве эффективного «антидота» для всякого рода вненаучных философских представлений. Создавая возможность для профессионального философского диалога с публикой, проект выводит философию в сферу публичности, без того чтобы поступиться научностью философского знания или пожертвовать какими-либо иными идеалами и принципами, определяющими сущность философского поиска истины, а также ее ценность как феномена интеллектуальной и культурной жизни общества. И в этом, пожалуй, важнейший результат успеха проекта.

Проект четко продемонстрировал, что академическая философия не только может, но и должна активно заявлять о себе в публичном пространстве. Ее участие в публичной жизни общества не должно сводиться лишь к цитированию идей великих мыслителей. Роль философа-профессионала состоит в том, чтобы способствовать созданию публичного философского дискурса, который может противостоять всякого рода паранаучным и вненаучным идеям и воззрениям. И проект «Анатомия философии...» – серьезный успешный шаг на этом пути.

Философы Института философии РАН в публичном пространстве

Н. В. Мотрошилова

Хорошо понимаю: будучи одним из участников совместного проекта Института философии РАН и Библиотеки им. Ф. М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст» (соответственно, одним из авторов одноименного сборника), я вряд ли могу беспристрастно оценить его объективные результаты. Вместе с тем надеюсь, что суждения тех, кто с самого начала был среди участников процесса, пока еще не завершено, станут по крайней мере небесполезными и для дальнейшего осуществления этого, как оказалось, длящегося проекта, и для его восприятия со стороны лично не заинтересованных читателей, слушателей.

Для лучшего постижения того, как именно возник, стартовал и осуществлялся проект, полезно прочитать в книге Введение Ю. В. Синеокой, которая является автором, инициатором, участником и терпеливым куратором каждого из шагов его осуществления. Из ее Введения, в частности, видно, сколь неожиданно, спонтанно и в то же время с какой настоятельной необходимостью рождаются — особенно в науке и культуре, на их средостениях — объединяющие духовные движения подобного рода.

Важнейшим фактом считаю то, что в таких ставших ныне бесконечно далекими друг от друга локусах культуры, как НИИ и публичная библиотека, возникла не только действенная решимость осуществить совместный высокоинтеллектуальный проект, но и были приложены серьезные усилия к его осуществлению. Каждый четверг в Библиотеку им. Ф. М. Достоевского приходили, сменяя друг друга, лекторы из Института философии РАН, что длилось более двух лет (!). Все лекции также сопровождалась работой членов команды, которые, как отмечает Ю. В. Синеокая, взяли на себя «визуальную» составляющую проекта, а также обеспечили печатание афиш, аудио- и видеозапись самих лекций. В нее входили руководитель институтского Центра антиковедческих и медиевистских исследований В. Петров, сделавшие великолепные фотографии Е. Марчукова, М. Локтионов, Н. Волкова, З. Рожкова.

Хочу особо акцентировать следующие слова академика А. А. Гусейнова: «Проект осуществлялся без каких-либо грантов, материальных поощрений, рейтинговых очков». Впрочем, примерно то же можно сказать о любой работе нашего академического института: она объективно свидетельствует никак не о «нищете философии», а о нищете философов... А также и о бедности как библиотеки, так и Института философии РАН, у которых не было средств для дополнительного финансирования его участников. Наша особая благодарность руководству Библиотеки им. Ф. М. Достоевского, все это время предоставлявшему площадку для лекций, обсуждений — как нам, философам Института философии РАН, так и постоянно собиравшимся слушателям.

Вторая благодарность — издательскому дому «ЯСК», не просто издавшему книгу почти в 1000 страниц, но и сумевшему в наше труднейшее для всех печатных изданий время подготовить и опубликовать «книгу книг» по философии. Издательство сумело полиграфически талантливо опубликовать в дополнение к текстам (если требовалось) еще и богатый графический и иной вспомогательный материал. К каждой лекции в книге имеется множество (прекрасно выполненных членами команды) цветных фотографий, в том числе запечатлевших лица из аудитории слушателей (к мыслям об аудитории еще вернусь).

Уже и сам факт, что Институт философии РАН, замыслив свой комплексный проект, счастливым образом заполучил этих двух партнеров — библиотеку и издательство — дорогого стоит... Прежде чем пригласить читателей вникнуть в содержание совсем непростой по материалу книги «Анатомия философии: как работает текст», хочу

напомнить о том, что полностью осталось за кадром — не только о последнем времени, когда проект вызревал и выполнялся, а о той поре, когда накапливались исследования и знания, которые хотя бы частично получили в книге свое отражение.

А это были — со стороны внешних условий — очень тяжелые времена. Почему? Во-первых, наш Институт, деятельность которого более 80 лет протекала на Волхонке 14, вдруг стали сгонять с места его многолетнего существования, делая это по-чиновному директивно, даже грубо и вероломно (хорошо уже то, что сейчас Институт философии РАН достойно размещен и тоже в старинном районе Москвы). Во-вторых, по совпадению, также весьма неблагоприятному, гонения пришлось на период, когда деятельность структур и институций РАН (несомненно, требовавших реформирования) подверглась тоже грубым, непродуманным преобразованиям, разрушительным для науки воздействиям. Они совершались якобы во имя эффективности самой науки. Как показали последующие годы, фактически утвердились структуры, формы и правила управления наукой, культурой, которые в сумме противоположны сути и задачам научно-исследовательского творчества. Я уж не говорю о том, что оплата труда работников научных, в особенности академических институтов и учебных заведений в «реформаторские» годы постоянно снижалась и далее снижается (при одновременно разбухании бюджетов и площадей новых и старых ведомств, бездарно управляющих наукой). Ученые страны, в том числе работающие в РАН, — не устану это повторять — осуществили немало глубинных исследований, тщательно анализируя эти процессы и их истоки. Но современные инстанции, управляющие наукой, не работают на вход: они как бы не слышат протестных голосов ученых академии и вузов. Зато кипит работа этой «машины» «на выход»: постоянно, повседневно продуцируются директивы, инструкции, порою бездарно-абсурдные. И они «девятым валом» обрушиваются на исследовательские учреждения... И они всегда «анонимны»... Но наука, пока она жива, обладает внутренне ей свойственными силами развития.

Философия, по моему глубокому убеждению, не просто выживала и выживает, развивалась и развивается (как в нашем Институте, так и в других научных учреждениях) в силу следования ученых этим внутренним законам не только осуществления, но и самосохранения всякого научного творчества и его институций. По тем же законам, кстати, даже в советские годы с их хорошо известными способами внешнего идеологического и просто репрессивного надзора над всяким независимым исследованием все же существовала и охраняла саму себя философия высокого мирового класса.

Книга по проекту запечатлела лишь некоторые философско-теоретические, исследовательские результаты работы Института философии РАН за последние десятилетия¹. Книга по проекту была оценена нашим директором, академиком А. В. Смирновым как итоговое «зеркало» работы коллектива Института философии РАН, в чем и я с ним согласна. Совсем не зазорно увидеть и подметить в таком «зеркале» то, что в работе твоих коллег представляется достойным высокой оценки, что стало и становится — по твоему мнению — ориентиром для современных философских исследований как таковых.

Теперь поделюсь лишь некоторыми первоначальными впечатлениями и от книги по проекту, и от тех видеоматериалов, которые мне удалось просмотреть. И это будут, скорее, отдельные импресии (ибо для более систематизированных выводов пока не было достаточного времени). Оправданно (предварительно) сказать, что проект имел определенный успех у публики. Говоря о публике — а на лекциях, и это радостно и удивительно, всегда был аншлаг, — поделюсь впечатлениями от увиденного своими глазами и от фоторяда книги. Перед нами предстают лица — и тех, кто слушал, и тех, кто еще и с микрофоном в руках выступил в обсуждениях. Видно, что аудитория (включавшая, конечно, и некоторых коллег, слушавших друг друга) в основном состояла из заинтересованных молодых людей. Этот факт считаю первостепенно важным.

Лица молодых слушателей по-настоящему красивы, причем они не только отмечены привлекательностью, яркостью молодости, но и одухотворенностью, подлинной любознательностью, интеллектуальностью и интеллигентностью. Зрительно этому

соответствовало предметное, но тоже «духовное» обрамление: зал по всему периметру окружают полки, от пола до потолка заполненные книгами... Вместе с аудиторией видеопросмотров — тысячи посещений — это было общение с действительно широкой публичной аудиторией².

Богатство тем, проблем, материалов, представленных в книге, столь велико, что еще потребуется время, чтобы все это вдумчиво освоить. Пока же позволю себе поделиться с читателем некоторыми первоначальными впечатлениями, касающимися отдельных лекций (а потом и статей).

Проект имеет примечательный подзаголовок: «как работает текст». Выделю здесь прежде всего ключевое слово «текст». Сразу приходит на ум, что с этим будет связана внутринаучная, притом сугубо специализированная проблематика и что речь пойдет о текстах как бы «отгороженных» своей спецификой сфер культуры. В большей мере так оно и есть — о таких, подчас экзотерических областях создания и применения именно философских текстов по сути повествует — считаю, достаточно доходчиво — вся наша книга. Но при дальнейшей реализации проекта, как я думаю, надо будет принять в расчет поистине беспредельную широту деятельности по созданию, пониманию, применению разных текстов.

Ведь в любой сфере практической жизни по крайней мере современных людей (да и в историческом опыте тоже) человеку приходилось и приходится повседневно иметь дело как с теми или иными текстами, так и с поисками их смыслов — как бы мудрено это ни звучало. В современных же условиях отдельные люди (и человечество в целом) постоянно имеют дело с текстами для повседневного использования, причем в поистине неисчислимых их разновидностях (от технических, медицинских и т.д. инструкций до текстов законов, указов, распоряжений и т.д.) А они обладают многообразными смыслами и значениями. Что же касается наук, то ведь их источники, средства, открытия фактически и реально представлены в виде каких-то текстов.

Для гуманитарных наук, исходно и в главном обращенных к источникам исторического свойства и общекультурного значения, тексты — их ничем не подменяемый «хлеб». Философия как результат достаточно высокого исторического уровня развития культуры (опирающейся на разные средства фиксации тех или иных письменных сообщений) постоянно работает и со своими специфическими «текстами» и с меняющимися вспомогательными средствами их создания, запечатления, освоения. Современная философская мысль, имея дело с богатым набором разновидностей именно философских текстов, также уже располагает и теоретическими знаниями, касающимися сути «текста» как такового и его поистине бесчисленных разновидностей. Вот почему сам проект и, соответственно, книгу было уместно открывать лекцией А. В. Смирнова «Анатомия текста: как работает сознание». Ибо ведь реально «работает», как подчеркнул А. В. Смирнов, не текст, а человеческое сознание, как-то воспринимающее, но и — что существенно — обязательно перерабатывающее любой текст. А. В. Смирнов давно и успешно занимается релевантной группой проблем. Он опубликовал солидную (на мой взгляд, одновременно очень сложную и достойную внимания также нефилософов) монографию «Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл».

Специфика и проблемные истоки этой его работы состоят, во-первых, в том, что А. В. Смирнов, непосредственно занимаясь восточной, а именно исламской философией, всегда вникал также в лучшие по уровню западные и отечественные исследования соответствующей широкой проблематики. Увязанность текста с сознанием, логикой, языком, смыслом всегда вполне конкретно интересовала А. В. Смирнова еще и потому, что он также переводчик высокого уровня (с английского и с арабского языков).

Надо упомянуть об одном чрезвычайно тонком, специальном и в то же время актуальном деле возглавляемого им (секторского) коллектива исследователей исламской философии. Это перевод и истолкование сложнейших текстов (включая переводы на русский язык до той поры не введенных в отечественную культуру источников). Подобная работа объединяет этого исследователя и его группу с другими, уникальными по своей квалификации, авторитету исследователями философии Востока и Запада.

Я имею в виду когорту тех ученых Института философии РАН, которые на протяжении десятилетий вводят в оборот отечественной науки и культуры тексты-источники философии Запада и Востока. Они публикуют (часто впервые) переводы иноязычных классических и современных текстов. Ведь это ученые Института философии РАН сделали достоянием нашей культуры новые или обновленные переводы произведений Платона и Аристотеля, средневековых схоластов, классиков немецкой философии (например, с 1994 г. по настоящее время публикуется – совместное с немецкими философами – уникальное двуязычное издание Собрания сочинений Канта). Такая работа высоко ценится коллегами в стране и за рубежом. Она, что хорошо понятно образованным людям³, является вкладом в отечественную и мировую культуру.

Здесь речь идет совсем не о посторонних делу обстоятельствах работы многих специалистов Института философии РАН, как представленных, так и не представленных в книге. Нельзя не упомянуть и о владении языками многими специалистами Института философии РАН (о глубинном – как в случае А. В. Смирнова и учениках других авторов книги). Согласитесь, что для равенства на высокий, именно мировой уровень философии, для сотрудничества с нынешними философами других стран, даже других континентов это необходимое условие огромной важности. Далее я поделюсь моими впечатлениями лишь от содержания некоторых лекций (статей), которые вместе с тем позволяют увидеть в них очень важные, с моей точки зрения, особенности реализованного проекта.

Примером того, сколь сложными и вместе с тем сколь новаторскими являются результаты деятельности исследователей РАН, может служить высокоспециализированный текст В. А. Подороги под сначала непонятным названием «Как составить антропограмму. Аналитическая антропология литературы». Расскажу о том, как я сама восприняла этот удивительный текст. Итак, произнесены (потом написаны) пока таинственные (для тех, кто раньше не изучал именно эти тексты В. А. Подороги) слова «антропограмма» и «антропология литературы». Но сразу даны примеры, а потом и пояснения. Примерами «пустых» («незаполненных») антропограмм является нечто вполне знакомое философам, психологам, лингвистам. Скажем, это такие, в самом деле суммирующие, емкие термины, как «архетипы» Юнга, «мифема» Леви-Стросса, «эпистема» у Фуко, «ризомы» у Делеза. Другое дело, разъясняет Подорога, – «заполненные» литературные антропограммы, которые раскрываются через «матрицы» произведения. Антропограмма для В. А. Подороги – это «подсознательная интуиция бытия, на основе которой совершается выбор образа в литературном произведении» [Синеокая (ред.) 2016, 85]. С применением этих понятий В. Подорога анализирует и интерпретирует более чем популярные во всем мире шедевры русской классической литературы. К ней-то и применяется понятие-ключ «заполненная антропограмма» – на конкретных примерах творчества Гоголя, Достоевского, Андрея Белого. Вряд ли можно отвлечься от того, что у каждого читателя, любящего русскую литературу (а их и на нашей родине, и во всем читающем мире огромное множество – даже в сегодняшнем мире), тем более у знатоков, профессиональных литературоведов, есть свои суждения, мнения, возможно, и не совпадающие с аналитическими идеями В. А. Подороги. Думаю, что его работа – оригинальный и по-своему ценный материал и для философов, мыслящих о литературе, и для литературоведов, и для самих литераторов.

При чтении книги «Анатомия философии...» я постоянно задавала себе вопрос: что в высокоспециализированных, порой (как у Подороги и других авторов) изощренных философских текстах может заинтересовать тех читателей, которые работают в других областях науки, культуры или только готовятся к такой работе, получая соответствующее образование? И тут, при предварительном, как сказано, изучении книги меня впечатлил еще и такой факт: добрая треть статей в многостраничном фолианте посвящена, как и текст Подороги, *философскому осмыслению отечественной литературы!* Поскольку конкретная тематика проекта складывалась спонтанно и поскольку вместе с тем она отражает многолетние тематические предпочтения видных философов Института философии РАН (иногда и наших приглашенных коллег), то уже и этот объективно сложившийся проблемно-тематический выбор заслуживает особого внимания. Надеюсь, он будет

оценен по достоинству широкой читательской аудиторией, причем оценен и в его именно философской специфике, и в обращении к действительно кардинальным духовным событиям и феноменам развития российской классической литературы.

Так, А. А. Гусейнов в статье, заголовок которой «Чем был обусловлен и в чем заключался духовный переворот в творчестве Льва Николаевича Толстого» вновь привлекает внимание к мучительным поискам великим писателем «смысла жизни» как части его духовно-этических исканий, сосредоточенных на центральном для него вопросе о соотношении религии и нравственности. Лекция (а теперь и статья) А. А. Гусейнова — остро, понятно, близко к опыту мыслящих людей многих поколений и исторических эпох — подводит к общему выводу: великий русский писатель буквально выстрадал «новое понимание нравственности, ее роли в жизни человека и общества», что до сих пор не утратило своей актуальности.

Великолепным, изысканным и в то же время общеинтересным мне показался текст другого авторитетного исследователя отечественного духовно-философского наследия В. К. Кантора: «Карнавал или бесовщина (роман Достоевского “Бесы”)?». Обращаясь к некогда популярным в философии и литературоведении интерпретациям этого важнейшего романа великого Достоевского как социально-исторического предсказания тяжелейших российских бед XX века, В. Кантор переносит центр тяжести на свое толкование «Бесов» как «квинтэссенции национального самосознания». И сразу поясняет: «Дело не в Нечаеве-Верховенском, Ульянове-Ленине, Джугашвили-Сталине, а в причинах, их породивших» [Синеокая (ред.) 2016, 661].

Не могу подробнее разбирать другие интереснейшие тексты книги, посвященные философскому анализу творений русской литературы и философии: М. С. Киселевой — о текстах русского барокко, А. А. Кара-Мурзы — о «Медном всаднике» А. С. Пушкина, А. В. Черняева — о переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным, С. А. Никольского — о романной прозе И. С. Тургенева, К. В. Ворожихиной — о книге Льва Шестова «Афины и Иерусалим», Ю. В. Синеокой — о «Переписке из двух углов» Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона. Это прекрасные, по моему мнению, именно *философские* работы, и я уверена: они найдут своих заинтересованных читателей и не только в собственно философских областях, заинтересуют и совсем узкий круг тех, кто и профессионально работает, и просто как мыслящий читатель задумывается над тем, что украшает, как поистине драгоценные камни, признанную во всем мире блистательную «корону» российской культуры, входит в бесспорно «конвертируемое» во всем мире ее богатство.

Еще один существенный момент: *в сегодня опасно разобщенной российской культуре возникает и предлагается философией одна из необходимых заявок на ее (посильное для философии) объединение*. Требуется время на то, чтобы тщательно осмыслить предложенный проект и книгой богатый репертуар философских исследований. Например, наиболее близкая мне область наших *историко-философских* исследований богато и разнообразно представлена в рассматриваемой книге. Пока упомяну лишь о двух ее отрядных особенностях.

Первая из них: как «зеркало» нашей работы, проект в целом отразил чрезвычайную разветвленность и высокую специализированность осуществляемых в Институте философии РАН историко-философских исследований мировой философии. Они отнесены ко многим ее разновидностям, к разным эпохам, к основным цивилизационным, историческим формам существования истории философии — к проблемному, методологическому наполнению и к конкретным культурным, научным локусам, т. е. к ее воплощению в разных, в том числе редких языковых, именно текстовых формах.

И вторая впечатляющая особенность (и не только историко-философских работ) — это сочетание творчества разных поколений философов, и самого старшего, и просто старших, уже завоевавших прекрасную научную репутацию, а также недавно ставших известными философов среднего поколения и представителей совсем новой философской проросли. Впрочем, то же впечатление производят не только работы историко-философских, но и всех, по сути, дисциплинарных подразделений Института философии РАН. Достаточно познакомиться с прекрасными текстами антиковеда

Н. П. Волковой, исследователя русской философии К. В. Ворожихиной, чтобы убедиться в яркости и незаурядности их исследований.

Что еще меня как историка философии впечатлило в книге, так это превосходная работа известных специалистов в других философских дисциплинах над классическими текстами из истории разных эпох и времен. Скажем, это исследование Р. Г. Апресяна над «Илиадой» Гомера, или О. П. Зубец над текстами Аристотеля, а также В. А. Лекторского над опубликованным сорок лет назад конкретным текстом американского философа Т. Нагеля, и М. М. Федоровой над текстом публичной лекции Бенжамена Констана «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей».

Таковы мои предварительные впечатления, сложившиеся от первого изучения книги «Анатомия философии: как работает текст». Думаю, что следует продолжить ее изучение. Во всяком случае, я планирую – если позволят время и силы – глубже вникнуть в уже заинтересовавшие меня материалы.

Примечания

¹ Прежде чем приступить к их по необходимости краткой характеристике, хочу предупредить вот о чем: во время презентации книги в Институте философии говорилось преимущественно о том, что и как удалось сделать нашему коллективу. Речь не шла (ибо это не было непосредственным предметом раздумий) о пробелах, издержках нашей работы и современных вызовах, на которые коллектив Института философии РАН еще не ответил. Мы постоянно осмысливаем и этот вопрос, нацеливаемся на его разрешение. Но ведь в данном случае речь идет о наших позитивных впечатлениях, а это объективно означает никак не похвальбу, самолюбование, а прежде всего подытожение того, что нам представляется достойным одобрения и подражания в работах наших коллег.

² Правда, для телевидения подсчет рейтингов имеет какой-то смысл, когда аудитория концертов каких-либо эстрадных «звезд» (порой сомнительного качества) исчисляется десятками тысяч или даже миллионами. Но ведь аудиторию *научных* публичных действий нельзя оценивать по «эстрадным меркам»...

³ Тем более одиозным – противоречащим этой коренной культурной миссии гуманитарных исследований – стало недавнее директивное распоряжение «реформаторов от науки». Они запретили вообще как-то учитывать (в числе «баллов» по результатам научной работы) переводы, все равно, идет ли речь о классических или современных источниках! Да и аргументы тут особые: ну и что, говорят они, что это переводы текстов Аристотеля, Платона, Гегеля, Канта, Ибн-Сины и т.д. Ведь переводчик не автор, не «сам» Аристотель, Платон, Кант! Хотя это рассуждение банально верно, ничто не оправдывает *полное исключение из учитываемых результатов работы исследователей* этого очень специального и высоко значимого для культуры *научного труда*. Где набирают, позвольте спросить, таких дремуче-безграмотных «реформаторов», до изумления далеких от науки, от сути, специфики работы в науке и культуре?!

Очаг просвещения на Чистых прудах

Э. Ю. Соловьев

Книга «Анатомия философии: как работает текст» – заметное культурное событие. Она внушительным образом удостоверяет, что на Чистых прудах, в здании близ Покровских ворот образовался центр квалифицированного философского просвещения. Уже четверть века в нашей стране не существует философии, вмонтированной в идеологическую систему культпросвета и агитпропа. Нет лекционных курсов, которые сперва продумывались кабинетно и гелетерски (в соответствии с инструктивной матрицей диамат-истмата), а затем трафаретно популяризировались. Нет, и слава богу, что нет, поскольку практика эта изначально противоречила своеобразию философского мышления и знания. А что

должно прийти ей на смену? Как разьяснять философию в обществе без господствующей идеологии, установление и насаждение которой не дозволено по Конституции?

В течение полутора лет лучшие представители столичного философского цеха работали, мне думается, над решением именно этой проблемы. В московской Библиотеке им. Ф. М. Достоевского они докладывали свои — подчас незавершенные — исследования заинтересованному собранию интеллектуалов (философов и нефилософов по образованию). Докладывали, а затем апробировали в свободной дискуссии.

Знакомясь с рукописью книги, я как историк философии снова и снова вспоминал определение «истинного просвещения», когда-то найденное Кантом. У «истинного просвещения» три главных приметы. Во-первых, авторская апелляция, отвечающая известному древнеримскому девизу «*Sapere aude!*» (имей мужество мыслить сам). Во-вторых, отношение к слушателю и читателю как к совершеннолетним реципиентам («презумпция совершеннолетия», если говорить философско-правовым языком). В-третьих, отстаивание *просвещения* в противовес *просветительству* в узком смысле слова (то есть менторству и авторитарному назиданию).

Лучшие лекции, прочитанные в библиотеке на Чистых прудах, отвечают этим приметам-критериям. Образцами просвещенческого мастерства можно считать тексты, вышедшие из-под пера В. А. Подороги («Аналитическая антропология литературы»), А. В. Лебедева («Учение о вселенском логосе и единстве противоположностей в эпистемологии Гераклита»), М. Л. Хорькова («Николай Кузанский об ученом незнании»), А. А. Гусейнова («Чем был обусловлен и в чем заключался духовный переворот Льва Николаевича Толстого?»), Н. В. Мотрошиловой («О “Черных тетрадах” Мартина Хайдеггера»). В каждом из этих текстов слышится приглашение к участию в авторском поиске, в каждом звучит тема надвременной значимости (а, стало быть, непреходящей актуальности) философского наследия и как следствие этого — тактичный, но страстный упрек в отношении удручающей невостребованности философии в современной России.

В памяти воскресают два замечательных примера философского просвещения, поданных еще в советское время и часто нами обсуждаемых. Первый — это семинары, которые в середине пятидесятых годов вел на философском факультете МГУ Э. В. Ильенков. Вот выразительная и, я думаю, весьма точная их характеристика, найденная Л. К. Науменко: «Ильенков говорил так, словно впервые, здесь на кафедре задумался над проблемой», и мыслители прошлого, о которых он рассказывал, «были никак не объектами, а именно субъектами его повествования, и занимались они одним с ним делом, советуясь, споря, помогая и поправляя друг друга» [Науменко 1998 web]. Другой пример — знаменитые лекции Мераба Мамардашвили, читавшиеся в 1970–1980-х гг. и получившие название «одинокое мышления вслух». Только что процитированная реплика Л. К. Науменко вполне годится и для их описания. Неверно думать (такое суждение встречается), будто Мераб намеренно не готовил своих лекций. Нет, они основательно обдумывались заранее (свидетельствую об этом как очевидец). Вместе с тем их никак нельзя было назвать *заготовленными* лекциями: зачастую Мамардашвили не знал итога своего принародного размышления. Оно было ориентировано на активное умственное соучастие слушателя и на пробуждение в нем его собственной способности к философствованию. Мераб, если угодно, следовал правилу, известному еще со времен Плутарха: просветитель не должен вливать свои знания в просвещаемого, как воду в сосуд; он должен зажечь своим факелом его факел. На мой взгляд, многие участники проекта «Анатомия философии...» руководствовались этой же установкой и успешно ее реализовали.

Современное философское знание нельзя разложить и растолковать по полочкам, обращаясь с ним по типу специальных, конкретно-научных знаний. Связное понимание современной философии достигается прежде всего благодаря свободной и изобретательной творческой реактуализации философского наследия, развертываемого применительно к насущным интересам и задачам. Или, более точно, к различным направлениям мировоззренческой ориентации, которые философия намечает, прорабатывает, теряет и вновь воскрешает. И, на мой взгляд, участники проекта «Анатомия философии: как работает текст» именно это и пытались сделать.

Об энциклопедическом охвате истории мировой мысли речь, разумеется, не шла. Однако слушатель и читатель получили возможность составить представление об основных исторически известных типах, характерах, паттернах ответственного философствования и соотносить с ними свои мировоззренческие искания. И отдадим себе отчет в том, что такими сугубо персональными исканиями, продиктованными вопросами о жизни и смерти, о боге и космосе, о космополитизме и о родине, о морали и праве — во все времена (и, конечно же, сегодня!) заняты тысячи и тысячи людей.

Душой проекта «Анатомия философии: как работает текст» была и остается Юлия Вадимовна Синеокая, руководитель замечательный и редкий. Она наделена эксклюзивным талантом — способностью *увлечь человека его же собственным замыслом*. Она делает это уверенно и во всю силу природного обаяния. Проект «Анатомия философии...» с самого начала стоял под презумпцией, необычной для российских организаторов науки: Синеокая предположила и поверила, что ее коллеги *любят свою профессию* И как только они плодотворно откликнулись на это предположение, в меру возможности погрузила их в обстановку упреждающего признания (на презентации книги «Анатомия философии: как работает текст», состоявшейся в феврале 2017 г. в Институте философии РАН, об этом убедительно говорил А. А. Кара-Мурза).

Мне хотелось бы, чтобы читатели книги «Анатомия философии...» внимательно вслушались в интонацию Введения, вышедшего из-под пера Юлии Вадимовны. В каждом его абзаце звучит радость развивающейся профессиональной дружбы. «Эта общность, — читаем мы, — складывалась на основе обмена мнениями и споров, из желания слушать и слышать другого, из взаимопонимания, не означающего согласие. Общность свободных умов, основанная на взаимопонимании, не имеет ничего общего с единомыслием. В сообществе, где царит одно мнение на всех, людям не о чем говорить, нечего обсуждать. Талант ведения дискуссии заключается в том, чтобы поддерживать атмосферу, которая помогала бы собеседникам одарить друг друга лучшим, чем могут одарить друг друга люди, — своим внутренним опытом и духовными прозрениями... <...> Примечательно, что лекции в библиотеке носили академический характер, велись на профессиональном языке, без упрощения и снижения уровня обсуждаемых проблем. Тем существеннее, что аудитория оказалась готовой вести такой диалог. Отраднo, что за последние десятилетия выросло поколение прекрасно образованных, открытых миру молодых эрудитов, свободно ориентирующихся в интеллектуальном пространстве» [Синеокая (ред.) 2016, 12–13]. Ю. В. Синеокая хорошо поняла, как одушевляет творческих людей гарантия скорой публикации. То, что лекции, прочитанные на Чистых прудах, стали тут же печататься в институтском «Философском журнале», я считаю блестящей находкой. Итог этой инициативы — толстая книга, образовавшаяся стремительно, спонтанно, сверхпланово и в полном соответствии с критериями, которые ФАНО запрашивает *при учете планстажа*.

Не менее существенна и другая сторона проблемы. Книга «Анатомия философии...» свободна от одного из самых распространенных недугов нашего времени — от недуга *графомании*. Перед нами текст рекордной смысловой плотности. На его девятистах пятидесяти (!) страницах вы не найдете никакого бла-бла-бла, никаких холостых рассуждений. И это потому, что еще до выхода в свет книга была *вычитана на слух*, прошла через *рецензуру* вопрошающей и дискутирующей аудитории. Введя понятие «рецензуры», я не могу не акцентировать следующее: организаторы и участники проекта «Анатомия философии...» могут гордиться тем, *чего нет* в их итоговой публикации, — тем, что в нее *не просочилось*. В книге отсутствует многолика *псевдонаука*, которая в последние годы широко и нагло предьявляет себя под именем философии. В ней нет астрологии и конспирологии; антропософии, историософии и этнософии. Нет краховещательства и миссионерского национального чванства, от которых Россия вот-вот сдурееет. Сегодняшняя презентация может рассматриваться как праздник *аналитически добротного издания*. Но поостережемся впасть в тон триумфаторов. Очаг философского просвещения, зажженный на Чистых прудах, только начал разгораться. Его еще надо умело раздуть.

Вот некоторые мои пожелания. Как рецензент книги, я не могу не обратить внимание на следующий очевидный ее недостаток: в «Анатомии философии...», по сути дела,

просто отсутствует западноевропейская философия Нового времени. Мы не найдем здесь анализа текстов Декарта или Локка, Лейбница или Юма, Дидро, Руссо или Канта. В итоге досаднейший курьез: издание, достаточно успешно решающее задачи философского просвещения, ничего не говорит о Просвещении как эпохе — как особой «умственной формации», обсуждение которой заняло одно из ключевых мест в дискуссиях последней трети минувшего века, да и сегодня заявляет о себе новыми и новыми полемическими всполохами.

Блестящее, но спорное сочинение Т. В. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика просвещения» занесло в культуру семена презрения к философам-просветителям, подвела их под юрисдикцию подозрительности. Последователи и продолжатели Адорно и Хоркхаймера (особенно представители исторической «социологии знания») явно переусердствовали в критике XVII–XVIII вв. В итоге само выражение «просвещение» превратилось едва ли не в пейоратив (негативно-осудительное понятие, подобное «демагогии» или «взяточничеству»).

Я думаю, следует согласиться с новаторским тезисом Ю. Хабермаса «Модерн — незавершенный проект» и именно под этим углом зрения продумать всю тему Просвещения, уделяя особое внимание самокритике, сомнениям и коррекциям, содержащимся в сочинениях его выдающихся представителей. Было бы замечательно, если бы руководители и участники проекта «Анатомия философии...» взяли на себя подготовку широкой *дискуссии о просвещении*. Прологом к ней могла бы стать анкета, разосланная группе авторитетных исследователей, отечественных и зарубежных, и содержащая развертку следующего основного вопроса: возможно ли и как возможно просвещение XXI века?

Сквозной нитью через все статьи, вошедшие в книгу «Анатомия философии...», проходит вопрос «Как я понимаю философию?». Я рекомендовал бы выделить его в *особую рубрику проекта*, подобную нынешним «Репликам». Я советовал бы, далее, пригласить для участия в этой рубрике прежде всего тех, кого мы сами — после многих примерок — определили в корифеи. Речь идет об обладателях высшей почетной награды нашего учебного цеха — медали «За вклад в развитие философии». На сегодняшний день их тридцать шесть. Восемь являются авторами книги «Анатомия философии...». Было бы отрадно выслушать остальных. Да и те, кто уже побывал в библиотечном лекторском кресле, опрошены и обсуждены еще далеко не досуха. Ответ на вопрос «Как я понимаю философию?» не обязательно должен быть перформативным и лобовым. Его можно предьявить, рассматривая любую из ключевых философских проблем, любой из аспектов или важных «смысловых узлов» мирового историко-философского процесса.

И еще одно пожелание. Я позволил себе вспомнить о таком образце философского просвещения, как семинары и лекции Э. В. Ильенкова и М. К. Мамардашвили. Но есть ведь еще и образцы монографического объединения просвещенческих усилий, ранее представленных в виде брошюр, статей, радиобесед. Особо значимой в этом отношении я считаю книгу К. Ясперса «Великие философы» (1958), где была предпринята попытка представить *надвременное единение* выдающихся мыслителей всех времен, затемняемое кумулятивными рядами направленной, партийной и школьно-эпигонской преемственности. Единение, участники которого сопряжены только через *перекличку* (понятие, которому в последнее время уделила заслуженное внимание Н. В. Мотрошилова).

Мне хотелось бы, чтобы в накапливаемом опыте проекта, учиненного Ю. В. Синеокой, вызрел основательно продуманный, коллегиально ответственный лекционный цикл, способный соперничать с «Великими философами» К. Ясперса. Он на многие годы мог бы стать настольной книгой для всех, кто обращается к наследию в поисках *своего философа*, а встретившись с ним, непременно философствует сам, не позволяя себе сбегать от осмысливаемой жизни в суету, грезу и развлечения. Надеюсь, что издание, которое мы приветствуем и обсуждаем, предрекает такой просвещенческий успех. Ведь, говоря языком Канта, «это по крайней мере не невозможно», чтобы во многих городах нашей страны хорошо посещаемые библиотеки стали публичным пространством философской мысли. Книга «Анатомия философии...» сделалась бы в этом случае востребованным учебным пособием, а замечательные фотопортреты, выполненные Валерием Петровым,

Екатериной Марчуковой и Зинаидой Рожковой, – впечатляющей документацией того, как выглядели первопроходцы постсоветского философского просвещения. Как смотрелись их лица, одежда, душа и мысли.

Примечания

¹ В отечественной философии это отношение к просвещению было впервые заявлено в ناشумевшей «тройственной статье», или «статье трех авторов», напечатанной в «Вопросах философии» (имеется в виду статья М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева «Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления)») Здесь говорилось о роковой парадигмальной ограниченности «классической рациональности» (последняя и была поначалу обозначена как «просветительская»), которая пасует и плодит иллюзии, сталкиваясь с проблематикой «бытия самого сознания», – проблематикой, впервые выявленной социально-экономической теорией Маркса.

² В замечательном Введении к «Великим философам» К. Ясперс следующим образом охарактеризовал выдающихся мыслителей прошлого, связанных «только через перекличку»: их следует мыслить так, «как если бы они были сверхисторичны по характеру своих свершений и вследствие этого являлись вечными современниками». На последних страницах книги «Кант: жизнь, труды, влияние» он предложил читателю удивительную разъясняющую метафору: тот, кому посчастливилось усвоить мысль Канта, ощущает себя на высочайшей горной вершине и видит вокруг другие высокие вершины. Вот Спиноза и Лейбниц, вот Гегель и Шеллинг, а вдалеке – но в той же горной стране, не знающей экономических, социальных и этнокультурных временных горизонтов – и Платон, и Аристотель, и Конфуций. И видно, как правильно взойти на эти высоты.

Противостоять маргинализации философского образования

М. Т. Степанянц

*Философия есть нечто не побочное, а основное.
Сенека*

Философское просвещение – проект Института философии РАН и Библиотеки им. Ф. М. Достоевского – инициатива, достойная самой высокой оценки и дальнейшего развития. Проект расширяет круг тех, кто не безразличен к философским занятиям и ощущает потребность в глубинном понимании как теоретических, так и практических жизненных проблем. Данный проект чрезвычайно актуален. Объясню, что я имею в виду. Дело в том, что повсеместно (особенно в западных странах) философия вытесняется из образовательного поля. Исполком Международной федерации философских обществ последние пять лет получает письма с мест, в которых выражается просьба помочь в пересмотре решений о закрытии университетских кафедр философии в США, Великобритании, Германии и др.

Более того, философия перестала быть приоритетной областью деятельности для ЮНЕСКО, хотя при создании организации и в последующие годы вплоть до недавнего времени, философия признавалась таковой. В октябре 2005 г. на 33 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО третий четверг ноября был провозглашен Всемирным днем философии. Этому непосредственно способствовало принятие важнейшего документа – «Стратегия ЮНЕСКО в области философии». В нем отмечалась особая роль философии в деле развития критической и независимой мысли, а также в достижении взаимопонимания между народами, утверждении терпимости и мира.

Всемирный день философии отмечается более чем в 80 странах. Он не является одним из профессиональных праздников. По словам Генерального директора ЮНЕСКО Койчиро Матсуура, смысл празднования ВДФ состоит в том, чтобы «приобщить людей к философскому наследию, *приоткрыть сферу обыденного мышления для новых идей и стимулировать публичные дебаты мыслителей и гражданского общества по поводу вызовов, встающих перед социумом сегодня*». Цель ВДФ – привлечь внимание общественности, и особенно правящих политических элит к необходимости усиления гуманитарной компоненты (представленной, прежде всего, философией) в образовании, научных исследованиях, в культуре в целом.

В наше время философия не претендует на роль «царицы» наук, но она по праву должна сохранять глубокое уважение и высокую значимость в публичном пространстве. Однако мы наблюдаем вместо этого дискриминацию, стремление превратить философию в маргинальную область знания. Это происходит в значительной степени вследствие изменения ценностных ориентиров. Материальный достаток, преуспевание, выражающееся в товарной и денежной массе, а не поиск Истины, нравственное совершенствование, стремление к идеалам выдвигаются в качестве главных целей, формирующих сознание людей, в особенности молодого поколения. Отсюда вытеснение философии из сферы образования или же сведения предмета ее к практически результативной философии науки.

К большому сожалению, подобная ситуация наблюдается и в России. В СССР при всех недостатках в системе образования, были, несомненно, и большие достоинства. В частности, философия являлась обязательной дисциплиной во всех высших учебных заведениях страны. Конечно, под «философией» имелся в виду преимущественно марксизм-ленинизм, история философии преподавалась чаще всего как борьба материализма с идеализмом, рационализма с иррационализмом, атеизма с религией и т.д. Но, несмотря на идеологически зависимое преподавание, в него включалось знакомство с философами-классиками, что не могло не провоцировать интерес к мировому философскому наследию (подлинному, не урезанному), желание задуматься над проблемами, которые ставили и которыми занимались великие умы. Следует также признать, что труды многих, к сожалению, опять же выборочно, великих философов издавались в СССР невиданными в мире огромными тиражами до 75 тысяч экземпляров. Тем самым широкая общественность имела возможность познакомиться с идеями Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, Гольбаха, Гоббса, Юма, Бэкона и др.

Такое образование закладывало в людях уважительное отношение к философии и большой интерес к более глубокому знакомству с ней. Вот почему, когда в связи с «Перестройкой» были сняты прежние ограничения и появилась возможность публикации трудов преданных забвению философов, именно философская литература (наряду, между прочим, с поэзией) оказалась наиболее востребованной нашим читателем.

То, что мы наблюдаем в последние годы, фактически направлено против указанной выше позитивной тенденции. Философия вытесняется из образовательного процесса. Поразительно, что Высшая аттестационная комиссия инициировала исключение философии из экзаменов кандидатского минимума. Только активная протестная позиция позволила сохранить хотя бы одну дисциплину – философию науки. Количество учебных часов, предоставляемых на философские дисциплины, неуклонно сокращается. Кафедры философии в высших учебных заведениях либо упраздняются, либо сливаются.

К большому сожалению, следует признать, что подобная официальная государственная политика в отношении философии имела место и в прошлой нашей истории. Испуг перед «французской заразой» – февральской революцией 1848 г. – подтолкнул в 1850 г. к высочайшему распоряжению о закрытии кафедр философии во всех российских университетах (кроме Дерптского).

Примечательно, какова была реакция на это распоряжение со стороны «благонамеренных» профессоров одного из трех (наряду с Москвой и Санкт Петербургом) старейшего Императорского Казанского университета, в годовом отчете которого за 1850–51 гг. говорилось: «Чрезвычайно важною мерою в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете... как бы в знак того, что все мудрствования умов,

не проникнутых и не направленных чистою верою, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию света истины». Императорская власть исходила из убежденности в том, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». В выражениях никто не смущался. Так Николай I откровенно признавался: «Я философов терпеть не могу, я всех философов в чухотку вгоню!»

В истории философского образования в России чередовались периоды гонения, сменявшиеся годами возрождения. Вот и сейчас, кажется, намечается тенденция, если не к прямому гонению, так к откровенному игнорированию. В том же Казанском государственном университете в 2014 г. философский факультет упразднен и образовано новое основное структурное подразделение университета – Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций.

Характер современного «слияния» (фактически их ликвидации) философских факультетов и кафедр поражает своей неуместностью. Так Белгородский государственный национальный университет в 2013 г. соединил философию с теологией; Финансовый университет при Правительстве РФ преобразовал Кафедру философии в Кафедру теории и истории государства и права; РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина счел возможным соединить философию с социально-политическими технологиями. Перечень столь удивительных трансформаций может быть продолжен.

Этому губительному процессу необходимо активно противостоять. Нельзя упускать время. Надо использовать заложенную нашим культурным наследием тягу к духовности, к гуманитарному знанию, прежде всего, к философии. Недопустима недооценка с нашей стороны отечественной аудитории. Приведу пример с учителями провинциальных средних школ. Существующая в нашем институте Кафедра ЮНЕСКО «Философия в диалоге культур» инициировала введение в школьное образование поликультурного измерения. Ставится задача создать условия для формирования позитивного восприятия иных культур; воспитания способности оценивать события в контексте межкультурного, межконфессионального и межэтнического разнообразия в обществе; формирования толерантности, обеспечения гуманистического социального климата.

Возможности курса лимитированы небольшим числом часов, которые могут быть выделены на его преподавание в рамках и без того перегруженной школьной программы. Учитывая это, мы сосредоточили внимание на *ценностных* основаниях цивилизаций, выступающих главными участниками современного мирового диалога культур. Нами были учтены расчеты международных аналитиков: китайская, буддийская и арабо-мусульманская цивилизация будут играть решающую роль в геополитике, в деле формирования будущего человечества. Именно они будут находиться в конкурентных, и не исключено даже, в остроконфликтных отношениях с западной цивилизацией.

Таким образом, в проекте центральное место занимают, прежде всего, китайская, буддийская и мусульманская цивилизации. Включение раздела по западной цивилизации вполне объяснимо, учитывая, что проблемное поле для диалога культур задается Западом, претендующим на господствующую роль в мире, исходя из универсальной, «общечеловеческой», значимости ценностей западной культуры. Россия представлена как страна, занимающая в силу географических и исторических причин срединное положение между Востоком и Западом. Отсюда уникальность ее места в цивилизационном пространстве и особая роль в диалоге культур.

В рамках проекта преподавания курса по диалогу культур для учеников 9–10 классов мы в течение четырех лет проводили курсы по повышению квалификации учителей школ Российских железных дорог из 14 регионов страны. Мы полагали, что лекции лекторов, профессией которых является философия, будут сложны для учителей из глубинки (из школ, часто расположенных далеко от городов). Мы были убеждены, что при написании текста учебника для школьников необходимо выразить свои мысли значительно упрощенным образом. И знаете, нас поразило то, что все учителя в один голос сказали нам: не упрощайте, мы вас понимаем,

и наши школьники поймут. Действительно, курс успешно реализуется на практике уже 5 лет.

Мы недооцениваем аудиторию и свои собственные возможности. Мы можем заниматься своим любимым делом, выходя на широкую аудиторию и находя в ней не только слушателей, но и взаимодействие. Я, например, ожидала, что на выступлении в программе «Реплики» будут преимущественно студенты философских факультетов. Но на самом деле, в зале присутствовали люди разных возрастов с разным образовательным базисом. Они не только понимали то, о чем мы говорим, но и активно участвовали в дискуссии. В результате получился не обмен репликами между выступающими – официальными участниками, а обмен репликами со слушателями, т.е. настоящий широкий философский дискурс.

Мне кажется, что найденный руководителем проекта Ю. В. Синеокой новый формат инициированного ею проекта, является очень удачным. Индивидуальные доклады больше подходят для узкопрофессиональной аудитории. Можно продолжить «Анатомию философии: как работает текст» на базе специального публичного лектория в нашем Институте. В библиотеке же, мне представляется более предпочтительным участие в заседании не одного, а по крайней мере двух участников, которые бы задавали тон для дискуссии, вовлекая в нее аудиторию. Тогда проект станет подлинно интерактивным. Полагаю также, что было бы уместно внести некоторые коррективы в тематическую ориентацию проекта. Возможно, есть смысл продумать целую серию встреч в библиотеке, связанных между собой общей направленностью. Я бы, в частности, предложила подумать, не стоило ли бы в качестве связующего звена взять новейшее направление – межкультурную философию.

Хотя в «Вопросах философии» были опубликованы две-три статьи, знакомящие читателя с указанным направлением, я позволю еще раз кратко напомнить об этом. Понятие «межкультурная философия» до сих пор практически отсутствует в российском научном обороте. Как в отечественной, так и в зарубежной литературе обычно речь идет о межкультурной коммуникации. Вслед за Ю. Хабермасом, наиболее ярким автором этого проекта, последователи последнего привержены западным принципам рациональности, западному типу философствования. Коммуникация такого рода оказывается европоцентристской, она не в состоянии обеспечить подлинный межкультурный диалог, поскольку не принимает всерьез другие культуры. Межкультурная философия исходит из принципа «когнитивной скромности», т.е. признания того, что западный тип философствования не является единственным. Это чрезвычайно богатая смыслами и целями рефлексия, не ограниченная рамками национальных или цивилизационных границ. Она нацелена на постижение и решение, помимо сугубо философских, важнейших глобальных проблем посредством диалога как средства снятия напряженности, достижения взаимопонимания и взаимоуважения, нахождения *новых* способов совместного решения общезначимых проблем.

Что если попробовать диалог между участниками программы «Реплики» (которую можно в будущем назвать несколько иначе) выстроить как диалог в ключе межкультурной философии? Для диалога выбрать наиболее актуальные на сегодняшний день темы и высказать по ним точку зрения с позиций хотя бы двух культур. Такими темами могли бы быть: человек и природа, разум и вера, рациональность и интуитивизм, добро и зло, справедливость, свобода, равенство и т.д. Подобное обсуждение, во-первых, позволило бы более весомо, чем ранее, представить аудитории незападные философские традиции, тем самым решительнее отмежеваться от европоцентризма. Во-вторых, межкультурный подход идет дальше сравнительной философии. Он провоцирует сомнение по поводу привычного, казалось бы, общепринятого и склоняет к серьезному вниманию к инакомыслию как источнику креативности, нахождения новых парадигм.

Очень полезно было бы на предстоящем в 2018 г. в Пекине XXIV Всемирном философском конгрессе, в работе которого примут участие многие сотрудники

Института философии РАН в качестве руководителей секций или пленарных докладчиков, презентовать данный проект. Можно сделать это, предложив включить в программу конгресса так называемую «специальную сессию» на тему «Философия в публичном пространстве». Или же провести презентацию в рамках секции «Русская философия», одним из руководителей которой, согласно уже утвержденной программе конгресса, является Б. И. Пружинин. Представив наш проект на Всемирном философском конгрессе, мы тем самым продемонстрируем возможные способы «защиты» философии и восстановления ее высокого статуса при поддержке широкой общественности.

Зачем нужна сегодня философия

В. А. Лекторский

Книга «Анатомия философии: как работает текст» – это уникальное собрание текстов, написанных специалистами и вместе с тем адресованных широкой публике. Тексты родились из выступлений философов в московской Библиотеке им. Ф. М. Достоевского в рамках проекта Института философии РАН «Анатомия философии...», функционирующего уже три года. Так как я сам был одним из таких выступавших (а также и одним из авторов книги), могу засвидетельствовать: интерес присутствующих был большим, было много вопросов, высказываний по поводу докладов, было настоящее живое обсуждение. Словом, оказалось, что широкая интеллигентная публика не перестала интересоваться философией. Может быть, интерес к философии сегодня даже больше, чем какое-то время тому назад. В чём тут дело? Ведь, казалось бы, в наше практическое время философия не может волновать никого, кроме небольшого числа специалистов.

Можно полагать, что это связано вот с каким обстоятельством. Согласно мнению многих специалистов современная цивилизация вступает в стадию «общества знания», в котором наука начинает играть новую роль. Она создаёт такого рода технологию (прежде всего информационную), которая влияет на экономику (появляется «экономика знания») и вместе с тем трансформирует обычный «жизненный мир». Но если философия тесно связана с наукой, как это было по крайней мере в течение последних трёхсот лет, и если сегодня наука вместе с технологией (новый комплекс, называемый «технонаукой») трансформирует сам «жизненный мир», то можно думать, что философия должна становиться всё более интересной для обычного человека, а не только для небольшой группы «высокообразных».

Однако в действительности ситуация не столь проста. Когда говорят об «обществе знания», в виду имеется прежде всего «полезное знание», т.е. знание, которое может быть технологически использовано. Конечно, фундаментальная наука не исчезает и исчезнуть не может. Но в целом общество становится всё более прагматически ориентированным. Интерес к культуре в её высших проявлениях, включающих не только философию, но также фундаментальную науку, высокую музыку, искусство, литературу, падает. Естественно полагать, что в подобной ситуации философия как специфический тип абстрактного мышления не может играть важной культурной роли. Многие философы реагируют на эту ситуацию, выдвигая идеи о «конце философии», о её растворении в других областях культурной и общественной жизни: фундаментальных науках, истории идей, литературной критике, политике и др. В России 15–20 лет тому назад было немало выступлений против преподавания философии в высшей школе и замены её в этом качестве теологией или культурологией.

В действительности философия не только сохраняет своё место в культуре, её значимость именно в качестве философии возрастает. Но при этом – что особенно важно – меняются сами формы философствования.

Дело в том, что философия всегда была высшей формой авторефлексии культуры, т.е. анализом предельных оснований познания, деятельности и оценки. Я хочу специально подчеркнуть, что этот анализ был весьма специфичным: предельные основания не просто описывались, их выявление и описание всегда сопровождалось рекомендациями по изменению, трансформации налично сущего эмпирического состояния. Иными словами, это всегда был весьма своеобразный сплав теоретических констатаций и нормативных прескрипций (при этом нередко прескрипции выдавались за констатации), сплав исследования и проектирования. Поэтому любая значимая философская концепция всегда имела две ипостаси. С одной стороны, это была критика существующего положения дел: в познании, в моральной жизни, в политическом и социальном устройстве и т.д. С другой стороны, это было построение определённого идеала знания, моральной жизни, политического устройства. В свете построенного идеала формулировались нормы деятельности, направленной на его достижение. Представление идеала как осуществимого было формой утопии, ибо эмпирически тот или иной идеал не был реализован, хотя и мыслился философом либо как осуществимый в принципе, либо в качестве того, к чему можно приближаться. Обе отмеченные стороны философии были взаимосвязаны, ибо именно в свете идеала и велась критика – иначе она не имела бы смысла. Критика была направлена на изменение существующих форм культуры – в этом смысле философию можно понять как самокритику культуры. В свете идеала и на основе предписываемых норм проектировались новые культурные формы. В качестве иллюстрации этой роли философии можно привести множество примеров, начиная от утопии государства у Платона, правового государства философов XVII столетия и идеального социального устройства у К. Маркса и кончая кантовским категорическим императивом (человек не средство, а самоцель), идеалом чисто описательной науки у Э. Маха, идеального научного языка у логических эмпириков и идеальной речевой коммуникацией у Ю. Хабермаса. Важно при этом подчеркнуть, что во многих случаях спроектированные идеалы оказывали реальное влияние на практику познания и социальной деятельности: если они и не были реализованы или не были реализованы в полной мере, они в любом случае по-новому нормировали деятельность и давали новые способы её оценки. В этой связи можно вспомнить и идеал правового государства, который в ряде стран был в значительной степени осуществлён, и влияние идеала описательной науки на современную физику, и многие другие сюжеты подобного рода. Я хочу специально обратить внимание на то важное обстоятельство, что во всех случаях формулировка идеала в философии (если речь идёт о серьёзной, влиятельной философии) была не просто чем-то фантастическим, а всегда была связана с обнаружением и анализом реально существующих оснований разных форм культуры и выявлением реальных возможностей их изменения. Философия, таким образом, всегда играла роль бродильного элемента в культуре, роль силы, которая динамизировала культурное развитие. Наука и техника, которые определили развитие современной цивилизации (недаром она нередко называется технологической), не смогли бы сыграть своей роли без сотрудничества с философией, ибо именно последняя была способом их вписывания в культуру – их своеобразной культурной легитимации – и вместе с тем способом их критического анализа и трансформации их оснований. Вместе с тем философия всегда играла роль интеграции разных форм культуры, ибо не только выявляла их основания, но и связи между ними.

Сохраняется ли в современной культуре необходимость в критической рефлексии над её основаниями?

Не только сохраняется, но приобретает гораздо большее значение. Дело в том, что в цивилизации знания темпы культурных изменений, создания новых культурных и социальных форм многократно возрастают. Это значит, что основания (в том числе предельные) деятельности, познания и оценки трансформируются гораздо чаще, чем это было в прошлом. Раньше философская деятельность по анализу этих оснований могла выглядеть как нечто далёкое от повседневных практических нужд, так как основания были весьма устойчивы, менялись редко, и их исследование, а тем более предложения по их изменению казались чем-то сугубо теоретическим. Правда, ситуация изменилась

в эпоху Нового времени, когда динамизм социальных перемен вырос, наука и техника стали интенсивно развиваться, менять свои формы и взаимодействовать с философией в своих изменениях. Сегодня теоретическая философская деятельность всё более обнаруживает свой практический характер.

Я имею в виду, например, интенсивную работу по обсуждению теоретических оснований таких наук, как математика, физика, биология – эта работа активно шла в течение всего XX столетия и продолжается сегодня. Между прочим, сегодня обнаружилось, что старые метафизические проблемы, в частности, те, которые волновали Аристотеля и Платона, вдруг снова оказались значимыми для понимания смысла современных теоретических представлений в физике. В МГУ на физическом факультете издаётся журнал «Метафизика» (имеется в виду и осмысление философских оснований современных теорий в физике, и метафизика в старом философском смысле этого слова – как способ такого осмысления). В своё время И. Ньютон сказал: «Физика, берегись метафизики!» Сегодня ряд физиков говорит: «Физика, обращайся к метафизике». В аналитической философии, которая родилась как восстание против метафизики, сегодня метафизическая проблематика играет центральную роль. Господствовавшее до недавнего времени мнение о том, что мы живём в «постметафизическое время» (а это мнение поддерживалось рядом выдающихся философских авторитетов), сегодня является анахронизмом.

Я хочу обратить внимание на то, что такие науки о человеке и обществе, как психология, социология, социальная и культурная антропология, филология, которые с момента их возникновения и до недавних пор претендовали на полную независимость от философии, сегодня вступают в тесное взаимодействие с последней, если угодно, всё более «философируются». Что касается, например, психологии, то она в двух своих наиболее влиятельных вариантах – как когнитивная и как культурно-историческая – имеет дело с такими философскими сюжетами, как ментальные репрезентации, сознание, смысл, значение, интерпретация, коммуникация, активно использует философские наработки и взаимодействует с философами. В социологии интенсивно обсуждаются проблемы понимания, объяснения, деятельности и структуры, возможность истолкования социальных институтов как своеобразных «фабрик значения», при этом используются идеи аналитической философии, феноменологии и герменевтики. В принципе то же можно сказать о других социальных и гуманитарных науках. Философы активно участвуют в разработке когнитивной науки во взаимодействии с психологами, математиками и лингвистами. Без активного участия философов не могла бы развиваться такая современная дисциплина, как биоэтика. Выдвигаемые сегодня предложения по «улучшению» человеческой телесности диктуют необходимость нового обсуждения старой философской проблемы: что есть человек, что есть норма и патология как применительно к физическому здоровью, так и в отношении духовной жизни. Политическая философия (в концепциях идеала политического устройства, социальной справедливости, демократии, политического участия, толерантности и др.) прямо влияет на программы современных политических партий, а такие философы, как К. Поппер, Ю. Хабермас, Дж. Роулз, привлекаются для консультаций политическими деятелями.

Словом, философия сегодня всё больше обнаруживает прямой практический смысл. Старые формы культуры нуждаются в изменении. Существует необходимость в новых способах понимания мира и человека, в новой системе ценностей. На многие вопросы, которые возникли сегодня, мы пока не в состоянии дать ответ. В наше время можно говорить о кризисе цивилизации и человека. Выход из этого кризиса невозможен без участия философии (как и всегда в прошлом, философия приобретала особое значение именно в переломные моменты развития культуры). Иногда говорят, что наше время «избавилось от всяческих утопий», о том, что все попытки улучшения ведут только к ухудшению того, что есть. В действительности человек всегда будет стремиться к совершенствованию, к проектированию будущего и формулировке идеалов. Это неотъемлемо от его природы. И при этом нельзя сказать, что в истории не было вообще никаких улучшений. Если даже нередко прогресс в одних областях сопровождается регрессом в других, это не значит, что прогресса нет вообще и нигде. К тому же человек не может не изменять то, что есть,

ибо эти изменения продиктованы необходимостью реагирования на вызовы: без ответа на последние человек просто не может выжить. Обсуждаемые сегодня идеи межкультурного диалога или совершенствования человеческой телесности, между прочим, и являются своего рода идеалами (можно даже сказать, современными утопиями). Другое дело, насколько они хороши. Но в любом случае ясно, что и их формулировка, и выявление условий их возможности и желательности невозможны без участия философии. При этом сегодня перед философией остро стоит задача не только по выявлению оснований разных форм деятельности и формулированию способов их возможных изменений, но и по сохранению и спасению тех ценностей, без которых ни человек, ни культура невозможны (ценности свободы, личности, рациональности). В современном потоке многообразных изменений возникла угроза самому существованию человека – недаром сегодня много говорят о возможности «постчеловеческого будущего».

Сегодня философ не может занимать позицию стороннего наблюдателя, который извне только рефлектирует над основаниями разных типов деятельности. Ибо теперь ясно, что философская рефлексия включается в деятельность, меняет её и при этом сама меняется. Философ сознаёт себя в качестве активного участника процесса культуротворчества в его разных формах, участника внутрикультурной и межкультурной коммуникации. Философия больше не может претендовать на нахождение «вечных истин», зато она получила возможность постоянного развития вместе с непрерывным обновлением человека и культуры. Поэтому «конец философии» невозможен в двух смыслах: и потому, что ни одна философская концепция не может сегодня дать «окончательного» решения философских проблем, и потому, что потребность в философском осмыслении разных форм культурной деятельности не только не исчезла, а стала более острой, чем раньше.

В современной философии происходит много интересного, в частности, процесс взаимодействия тех направлений и школ, которые в недавнем прошлом противостояли друг другу. Аналитическая философия начала взаимодействовать с феноменологией и герменевтикой, неопрагматизм с постструктурализмом, появились «аналитический марксизм», «аналитическое гегельянство». Создаются новые синтезы, возникает новая перспективная проблематика. Философия меняется и будет меняться. Выдавать какое-то из существующих ныне направлений за «единственно современную» философию (в недавнем прошлом мы утверждали это в отношении марксизма, сегодня некоторые наши философы относят это к постмодернизму) нет никаких оснований.

Философию нужно популяризировать, её нужно преподавать и в университетах и даже в средней школе. Если мы хотим, чтобы Россия осталась культурной страной, чтобы она успешно вписалась в современную цивилизацию, без преподавания философии не обойтись. Так как именно освоение философского способа понимания мира и приобретение хотя бы элементарных навыков философского мышления позволяют мыслящему человеку ориентироваться в современной быстро меняющейся действительности. А цивилизация знания может твориться только мыслящими людьми. Недаром в целом ряде американских школ уже в течение 20 лет весьма успешно преподаётся многолетний курс «Философия для детей».

Поэтому совместный проект Института философии и московской библиотеки Достоевского «Анатомия философии: как работает текст» – знаменательное явление. Без взаимодействия с широкой мыслящей нефилософской публикой философия сегодня не может существовать и развиваться.

Ссылки – References in Russian

Науменко 1998 web – Науменко Л. К. Эвальд Ильенков: портрет в интерьере времени. М.: Республика, 1998 // [http:// www.alternativy.ru/ru/node/1104](http://www.alternativy.ru/ru/node/1104)

Синеокая (ред.) 2016 – Анатомия философии: как работает текст / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. М.: ЯСК, 2016.

Discussion on the Project *Anatomy of Philosophy: How the Text Works*

Voprosy Filosofii. 2017. Vol. 7. P.109–146

**Marina F. Bykova, Abdusalam A. Guseynov, Vladislav A. Lektorsky,
Nelly V. Motroschilova, Julia V. Sineokaya, Andrey V. Smirnov,
Erikh J. Soloviev, Marietta T. Stepanyants**

The joint project of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and Moscow Dostoyevsky Library “Anatomy of Philosophy” brings the academic philosophy into the public space, both in Russia and in other Russian-speaking countries. In January, 2017 the project was awarded the Gold medal of Russian Academy of Sciences for Promoting Science in the nomination “Humanities and Social Sciences”. The recently published collection of articles entitled «Anatomy of Philosophy: How the Text Works» (Yulia V. Sineokaya (ed.). Moscow: LRC Publishing House, 2016. – 968 pages) that presents the results of the first year of work, has been chosen as the 2016 best publication project in philosophy by the Russian Foundation for Basic Research. The project director Yulia V. Sineokaya has invited some its participants to share their thoughts about the project. The journal publishes these reflections.

J. V. Sineokaya refers the history of project’s three year existence, perspectives for its expansion and the main principles of its functioning on the open intellectual platform in the center of Moscow.

In the speech of A. V. Smirnov it was shown that the project marks a special stage of professional and spiritual development of Russian philosophical community. This beginning became possible thanks to the removal from familiar stimuli of philosophical work fixation in the forms of a lecture or an article, and also from every common framework that pre-determines the direction of philosophical work and includes its participants in the universally given field. The positive sense of the first of the removals is in providing freedom, of the second – in the opening of the doors of creativity. “Anatomy of Philosophy” became a collection of free creators. To comprehend such a gathering in the usual terms of common or unique is impossible. It is proposed to think the category of “all-unity” to fulfill these goals, in which “all” is understood in the same sense as “commonly human” <vsechelovecheskoe> opposed the category of “universal” <obschelovecheskoe>.

A. A. Guseynov reviews the project in the context of the discussion of the philosophy’s role in the modern society where the market economy spread its functional laws on all remaining spheres. Philosophy presupposes direct (not mediated) relations between its “producers” and “consumers”, that are able and willing to perceive ideas. It should not be bordered by the criteria of usefulness or utility that are used in the estimation of concrete partial sciences, it has its own additional markers of success, one of which is the presence of schools.

M. F. Bykova demonstrates that the project’s success does not merely lie in finding and effectively using an appropriate format that allows academic philosophy to enter public sphere. An equally important result is the enrichment of academic philosophy itself, which should be open to new ideas and themes. The article emphasizes the mutual influence of both processes, as well as the importance of the development of philosophy in the direction of publicity needed for the cultivation of new philosophical knowledge.

N. V. Motroschilova reflects the project firstly as a successful cooperation of two institutional spheres of culture – the representatives of academic philosophy and Moscow Dostoevsky library; secondly as a presentation of the best achievements of concrete academic’s investigations – in the form appropriated for broad public; thirdly as a philosophical analysis of the most brilliant texts of human culture including the leading representatives of classical Russian literature (Pushkin, Tolstoy, Dostoevsky, Turgenev).

Article by E. Yu. Soloviev – the reviewer of the book “Anatomy of Philosophy: How the Text Works” – is dedicated to the history and contemporary condition of philosophical enlightenment. It concerns with the questions as origin ambitions of Enlightenment philosophers; Kantian understanding of “true Enlightenment”; popularization of philosophy

in soviet system of agitation and propaganda; crucial difference between popularization and enlightenment; critics of enlightenment paradigm in Russian and foreign literature of the 1970's; the revival of the classical heritage as an indispensable component of contemporary philosophical education. The focus is on new lecture and discursive culture that distinguishes the discussing project.

The M. T. Stepanyants article raises the question of preventing the development of an alarming tendency of crowding the philosophy out of public space, first of all out of education. Philosophy is not something aside, it had opportunities of saving its high status in science, culture, social life and should fulfill them, by opening the sphere of everyday thinking to new ideas and by stimulating public debates on the challenges that the society faces nowadays. Several proposals about new format and thematic direction of the discussed project are made.

V. A. Lektorsky notes that the project proves not only the growing public interest to philosophy, but also the preservice of its place in the culture, its meaningfulness as a highest form of culture self-reflexion, limited bases of cognition, action and evaluation. Philosophy always had a role of integrative power to different forms of culture, because it not only detected its grounds but also the connections between them. The success of the project witnesses that a philosopher understands himself as an active participant of the culture-making process in its various forms, as a participant of intra-cultural and intercultural communication.

KEY WORDS: Philosophical project «Anatomy of philosophy», philosophy in public space, philosopher, society, communication, self-knowledge, science, enlightenment, dialogue, text, education, discourse.

BYKOVA Marina F. – DSc in Philosophy, Professor of Philosophy at North Carolina State University, Editor-in-chief of the journal Russian Studies in Philosophy, a Honorary Member of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

mfbykova@ncsu.edu

GUSEYNOV Abdusalam A. – Professor, DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

guseynovck@mail.ru

<http://iphras.ru/guseinov.htm>

<http://guseinov.ru/>

LEKTORSKY Vladislav A. – Professor, DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

v.a.lektorski@gmail.com

MOTROSHILOVA Nelly V. – Professor, DSc in Philosophy, Chief Research Fellow at the Department of History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

motroshilova@yandex.ru

SINEOKAYA Julia V. – Professor RAS, DSc in Philosophy, Deputy Director for Research of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and Head of Department of the History of Western Philosophy.

jvsineokaya@gmail.com

sineokaya@iph.ras.ru

SMIRNOV Andrey V. – Professor, DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences and

Head of Department of the Philosophy of Islamic World, Professor of Russian State University for Humanities.

asmirnov@iph.ras.ru

SOLOVYEV Erikh Yu. – Professor, DSc in Philosophy, Chief Research Fellow of the Department of Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

ersolov@yandex.ru

STEPANYANTS Marietta T. – Professor, DSc in Philosophy, Honoured Scholar of the Russian Federation, Chief Research Fellow at the Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

marietta@iph.ras.ru

Citation:

Bykova, Marina F. (2017) “Lessons for Success: Academic Philosophy and the Problem of Publicity”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

Guseynov, Abdusalam A. (2017) “On the Same – Who and Why Needs Philosophy?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

Lektorsky, Vladislav A. (2017) “Why do We Need Philosophy Today?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

Motroschilova, Nelly V. (2017) “The Philosophers of Institute of Philosophy of RAS in the Public Space”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

Sineokaya, Julia V. (2017) “Moscow Philosophers Urbi et Orbi: On the History of the Project *Anatomy of Philosophy: How the Text Works*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

Smirnov, Andrey V. (2017) “Open All-unity of Our Philosophy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

Soloviev, Erikh J. (2017) “The Center of Enlightenment on Chistie Prudy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

Stepanyants, Marietta T. (2017) “Opposing Marginalization of Philosophic Education”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp.109–146

References

Naumenko, Lev K. (1998) *Evald Ilyenkov: Portrait in the Interior of Time*, Respublika, Moscow, <http://www.alternativy.ru/ru/node/1104> (In Russian).

Sineokaya, Julia V. ed. (2016) *Anatomy of Philosophy: How the Text Works*, YASK, Moscow (In Russian).